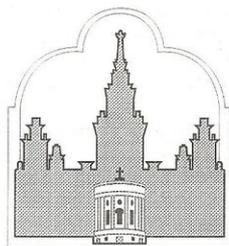

Татьянин День

Студенческая православная газета МГУ

Издается по благословению Святейшего
Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II

№10, январь 1997 года

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ, ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Две Татьяны. Открытка начала века

В НОМЕРЕ:

Ф. М. Достоевский
и мировая культура стр. 8

Международная научная конференция
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ МОРЕ

Звуки Москвы стр. 15

Воспоминания А. Ч. Козаржевского

ТРЕТИЙ РИМ

Побег в пустыню стр. 18

Ольга Седакова о поэзии Бродского

СТИХИЯ

Книга "Плач Иеремии",
ставшая мистерией стр. 21

Об одной духовной акции

МУЗА

Рок-музыка: круглый стол стр. 22

Пресс-клуб "ТД"

МУЗА

Слово и Безмолвие стр. 26

Стихотворение в прозе Олеси Николаевой

СТИХИЯ

Вожденная доза свободы,
или Рай на кончике иглы стр. 28

СТЕНА

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

СЕГОДНЯШНЯЯ ВЕЧНОСТЬ

ПРЕССА говорит о сиюминутном. Она сама есть сиюминутность.

Церковь говорит о вечности. Она сама есть вечность.

Пресса — порождение этого мира и целиком в мире сем.

Церковь — не от мира сего и над миром сим.

Те, кто обвиняют Церковь в консерватизме, отсталости, неправы прежде всего перед собой, потому что их душа тоже ищет, на что опереться, ищет хоть где-то постоянства, хоть чего-то непреходящего в этом мире.

Евангелие учит человека жить настоящим днем. Но — с памятью о вечности. Так называемая светская пресса очень подробно, скрупулезно описывает мир, мельчайшие подробности сего дня. Казалось бы, какая это должна быть величественная, захватывающая, любопытнейшая картина — день мира. Однако мы видим лишь тонкую оболочку, внутри которой ничего нет, только скольжение на поверхности, пусть профессиональное, но бессмысленное. Потому что — без вечности. Как писал наш известный академик, “без замыкающей безосновной основы сумма существующих вещей как бы проваливается куда-то, и мыслить это в точном смысле русского слова не-лепо, т.е. некрасиво, незрячно”. И такими нелепостями нас потчуют каждый день.

Между тем, сегодня, увиденное с точки зрения вечности, описанное во всей своей уникальности (ведь оно никогда не повторится!), — какой дивный путь, какие прекрасные перспективы. С.С.Аверинцев заключает: “Как старинная мелодия непременно должна иметь в конце завершающее замедление, в котором музыкальное время как бы воспринимает в себя вечность, так и ряд сущего должен во избежание эстетического бесчинства обрести завершение в Боге”.

Именно поэтому, протестуя против “эстетического бесчинства” современной прессы, два года назад мы начали издавать газету “Татьянин День”.

"ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНИИ МИРЯНИНА"

...Нас возили к службам в Университетскую церковь, и доселе я не могу войти туда без волнения, без того, чтоб предо мною не встала с чрезвычайной жизненностью та далекая и невозвратная пора.

Расходящаяся в две стороны лестница, очень покойная, широкая, с невысокими ступенями, устланная прекрасным ковром; легкий шелест платьев дам, сосредоточенно восходящих по ней, размеренные шаги мужчин. Из громадных дверей открывается торжественная, с печатью некоторой строгости, церковь. Большая высота и ширина, блестящий, как зеркало, паркетный пол, с двух сторон большие окна, большие по сторонам, в рост, красивого, но сухого письма — иконы Николая чудотворца и мученицы Татианы, которой посвящена церковь Московского университета. Там, ввали, точно отодвнутый еще дальше, чем он стоит на самом деле, возвышается за невысокой, в две ступени, но широкой софеей, — иконостас из белых мраморных колонн, а над ним, в вышине, точно в небе, вознесено белое большое скульптурное распятие. Потолок алтаря, уходящий назад полукруглым сводом, придает пространству за распятием вид действительного неба. По бокам два большие белые скульптурные ангела колена-преклоненно созерцают муки Христа. По карнизу иконостаса большими золотыми буквами написаны краткие слова: “Приступите — и просветитесь!” Впечатление храма дополняется высоким сводчатым потолком, который расписан облаками. В середине золотой треугольник с надписью в нем *ГІА*, а в нежных облаках тонкие очертания херувимов.

Служба идет замечательно стройно. На высоких хорах, висящих на ряде колонн у западной стены церкви, поет умирительно стройно лучшее отделение чудовских митрополических певчих. Служит с высоким чувством меры, с чрезвычайно умно выработанным в каждом слове, в каждом жесте, во всей интонации изяществом известнейший в Москве, профессор Университета протоиерей Н.А.Сергиевский, впоследствии протопресвитер Успенского собора. Мы с отцом становились всегда под хорами — единственное место церкви, где разостлан ковер и стоят стулья для становившихся здесь преимущественно почтенных стариков. Мое место было в узком проходе между колонной и стеной. В этом тесном уголке, откуда за обедней, когда в церкви было свободнее, я мог видеть и распятие над иконостасом, а за всенощными, когда набиралось много народу, оставался видным лишь потолок с херувимами в облаках и золотым треугольником, — в этом уголке сколько вошло в душу глубоких впечатлений веры под плачущие напевы Страстной недели!..

Евгений Поселянин

“Прибавление к Церковным ведомостям”,
1901, №34

М. В. Ломоносов

РАССУЖДЕНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЖУРНАЛИСТОВ

Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски

подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

1754

О СЛУЖБАХ В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ в Университетской церкви святой мученицы Татианы

24 января, пятница:

16.00 Малая вечерня. Акафист

18.00 Всенощное бдение

25 января, суббота:

10.00 Литургия

ПОПЫТКА АНАЛИЗА

Политическая история США показывает, что здесь внешняя политика, как правило, определяется внутриполитической ситуацией, то есть состоянием и нуждами национальной безопасности и экономики.

По мнению американцев, Россия представляет собой одну из величайших угроз для безопасности США и, следовательно, она оказывает решающее воздействие на бюджет оборонной промышленности, что в свою очередь влияет на американскую экономику. Поэтому главная задача заключается в снижении этой угрозы. Американская внешняя политика может достигнуть своей цели, способствуя переменам в России: окончательному отказу от единого мировоззрения и движению к плюралистическому обществу. У русских сильно чувство национального самосознания, и русская политика всегда определялась некоторой единой идеологией. Русские религиозные традиции также ведут к укреплению национального чувства.

По мнению американцев, все эти особенности способствуют сплочению русских против Америки, которое можно предотвратить, поощряя плюрализм во всех отношениях человеческой жизни, прежде всего в идеологической и религиозной. Таким образом, Америка заинтересована в укреплении и росте в России нерусских религий и философий, в том числе католицизма, который является мощной международной силой.

Федор Шгарман,

"Русская мысль", 31 октября 1996 года

ПОЧВА

"Энциклопедия Университетских буфетов" — таков новый проект газеты "Татьянин День". Он начался с рассказа в прошлом номере о самом модном буфете 1 Гуманитарного корпуса. Теперь — продолжение излюбленной студенческой темы. В будущем предполагается издание "Энциклопедии" отдельной книгой.

СТУДЕНТ И ЕДА

Для студента еда — вовсе не еда, а ритуал, который защищает его от враждебных стихий. За доказательствами далеко ходить не надо. Заглянем хотя бы в буфет факультета журналистики. Где кормятся не только журналисты. Больше популярен этот буфет у посещающих военную кафедру и читающих разные умные книжки в Фундаментальной библиотеке Университета. Что может быть лучше, например, незамысловатого, но питательного салата, или странного на вкус кофе, или, наконец, просто горячего второго для утомленного войной или наукой студента? Только такие простые радости и возвращают его к жизни.

Студент ест не спеша. Спешить — еде вредить. Поэтому если студент покупает пищу с грибами и вдруг чувствует, что она вовсе не с грибами или что это совсем даже не пища, то, ясное дело, нужно сбавить обороты. Остановиться. Успокоиться. Рассмотреть купленное. И, если оно съедобное, съесть.

Ритуалы в спешке не совершаются. И, соответственно, ритуал, исполненный в совершенстве, оказывает некое терапевтическое действие, возвращая студенту уверенность. Он уже никуда не торопится, не боится опоздать на пару. Он просто опаздывает на нее. Ведь еда издавна считается уважительной причиной опоздания. Впрочем, настоящий студент никогда не злоупотребляет этим неписанным правом.

Ритуал сохранил много достойнейших студенческих традиций. Раньше, например, платил тот, у кого были деньги. Теперь студенты уже не так бедствуют, и каждый мог бы заглотив сам за себя. Но как приятно дать другому возможность позаботиться о ближнем. Поэтому частенько ритуал начинается с трогательного: "Угощаешь?"

Семен Савельев,
студент ф-та почвоведения

СТУДИНФОРМ

В редакцию принесли новую газету. Во-первых, "Нашу..." , то есть Университетскую, во-вторых, студенческую, в-третьих, сами принесли. Как же не отметить такое начинание?

"С ЧЕГО НАЧАТЬ?"

"Наша газета": Газета коллектива студентов философского факультета МГУ. Ноябрь 1996. № 1.

Студенческой жизни происходит видимые изменения: теперь всякое начинание перерастает в конкретную акцию. Появилось желание делать что-то свое. Нужно. Остающееся.

На философском факультете коллектив студентов решил выпускать газету. Это, безусловно, пойдет только на пользу и Университету, и факультету, и студентам. Подобные культурные инициативы совершенно необходимы для выявления и отражения разного рода мнений, интересов и позиций; студент сможет увидеть себя как бы со стороны, понять, чего он хочет; наконец, студенческая жизнь приобретет некоторую осмысленность, упорядоченность и, может быть, даже самостоятельность. — Сколько же можно бегать за чужим дадей, перенимать обветшалые идеологии и собирать всякий мусор истории?

В первом номере газеты, в редакционном манифесте, определена главная задача издания: содействовать философскому образованию в России. Опубликован ряд статей, интервью с попыткой анализа деятельности философского сообщества, культурной и философской ситуации, и, конечно же, дана суровая отповедь разного рода врагам философии.

Особенно хочется отметить статью "Мерзавцы", где с удовольствием выпорот "Московский комсомолец". Некоторое излишество бранной лексики компенсируется непритворным воодушевлением, — создается впечатление, будто высечена вся буржуазская пресса. Редакция нашла эффективную газетную стратегию, ведь читателю так нравятся гладиаторские бои.

Но хватит меда, пора добавлять деготь ложками.

Первая ложка. Авторы и редакция, кажется, любят говорить от имени философии, культуры, России. Имея за собой такие авторитеты, как не ухватиться за розги или за перо. Только за них-то и остается взыскать! — Но не слишком ли простой путь избирать себе газету? Не лучше ли избегать таких дешевых трюков?

Вторая. Газета должна фиксировать мимопреходящее и быстрозабываемое: разные факты, мнения и т.п. А тут авторы берутся за "серьезный мыслительный анализ" и тут же останавливаются в недоумении: "текст получается негазетный"!.. Может быть, авторы ввели в заблуждение Розанов, предполагая печатать в газете трактаты?.. Ну что же делать, надо выбирать: или газета, или трактат. Polemika спасла, конечно, первый номер, но где же факты, хроника, разнообразие сюжетов? Крайне желательны фотографии. Все это не только не помешает серьезности газеты, а сделает газету собственно газетой.

Третья. Газету издает "коллектив студентов". То, что этот коллектив обладает чувством юмора, очень приятно (первый номер посвящен "главному редактору газеты "Искра", а также Муаммару аль-Каддафи"). Как писал упомянутый главный редактор, "газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор". А чему же будет способствовать "Наша газета" — организации философского сообщества или организации очередной партии? — Как бы то ни было, "группе товарищей" лучше уж жить от самих себя, а не от философии или факультета. На факультете "коллективов" много. Будете надеяться, что и они когда-нибудь издадут свои газеты.

Четвертая ложка редактором. Редактор — это человек, который любит исправлять и вычеркивать. А что такое, например, "мыслительный анализ"? Ясно только, что не химический и не философский. Трудночитаемые же придаточные не выписываю по недостатку места.

Вот, кажется, и все. Газету планируется издавать два раза в месяц. Надеясь, что у редакции не возникнет финансовых затруднений. И что каждый последующий номер будет лучше предыдущего. И что деготь уже больше не понадобится.

Софья Селиверстова,
студентка журфака МГУ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА" ПРОШЛА В МОСКВЕ

С 26 по 28 ноября 1996 года в Москве проходила международная конференция "Роль интеллигенции в формировании картины мира. История и современность." Ее устроители — Институт искусствознания министерства культуры, Научный совет Российской Академии наук по истории мировой культуры и Конфедерация Союзов кинематографистов.

На конференции прозвучали доклады: М.О. Чудаковой "Роль русской интеллигенции в формировании постсоветской России (1991-1996)", Р.М. Байбуровой "Московские мasons эпохи Просвещения", Б.Ф. Егорова "Славянофилы и западники. Русские интеллигенты 19 века", И.Н. Сухих "Русская литература: свидетельство? пророчество? провокация?" и другие. В разнообразии мнений выступавших и последующей дискуссии участников конференции основной темой стала вопрос о нравственной ответственности каждого за судьбы культуры и Отечества.

По материалам конференции будет издан сборник докладов.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТ ВРУЧЕНИЯ ДИПЛОМОВ СОСТОЯЛСЯ В СВЯТО- ТИХОНОВСКОМ БОГОСЛОВСКОМ ИНСТИТУТЕ

Он проходил 28 ноября в стенах 1 Гуманитарного корпуса МГУ. Дипломы и памятные подарки вручал студентам Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В приветственном слове Святейший сказал: "Каждому из нас придется дать ответ перед Богом и историей за то, как мы использовали предоставленные возможности для возрождения духовных начал жизни нашего народа."

Это уже второй выпуск студентов института. За четыре года работы Свято-Тихоновский институт стал достойным младшим братом Троице-Сергиевой Духовной семинарии и Академии, частью высшей школы страны, очагом духовной жизни церковной интеллигенции. При нем работает пастьерский семинар, а также семинар по церковной истории Синодального периода. Только в 1996 году институт провел 26 богословских конференций, выпустил ряд книг различной тематики, организовал миссионерскую поездку в Якутию, благодаря которой 1500 человек приняли таинство крещения.

При этом институт находится в тяжелейшем финансовом положении, не имея собственного здания и арендуя помещения в разных концах Москвы. Характерно, что Московский университет предоставляет свои аудитории институту безвозмездно.

В редакцию "Татьяниного Дня" об­ратилось Российское отделение Ин­сти­тута перевода Библии с просьбой о со­действии. Тщательно ознакомившись с предоставленными материалами, опи­сывающими деятельность Институ­та, мы согласились опубликовать ин­формацию о новом проекте.

ИНСТИТУТ ПЕРЕВОДА БИБЛИИ: ЯКУТСКИЙ ПРОЕКТ

В 1992 году Институт перевода Библии на­чал новый проект по переводу Библии на совре­менный якутский язык. В 1995 году были опу­бликованы Детская Библия и Евангелие от Марка. Успех превзошел все ожидания.

Эти издания являются высокопрофессио­нальными переводами, выполненными с уче­том всех достижений современной библистики и теории перевода Библии. Каждое слово в этих переводах проверено богословским и филоло­гическим редакторами, была проведена апроба­ция перевода с коренными носителями языка, на заключительном этапе один из лучших кон­сультантов Объединенных Библийских Обществ работал вместе с группой над текстом перевода. Перед выпуском Евангелия переводческая группа побывала на приеме у епископа Якутского и Вилюйского Германа и получила его благосло­вление на публикацию.

Издания Детской Библии и Евангелия от Марка на якутском языке были отмечены Его Святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II: "Наряду с уже существую­щим переводом 1898 года, он внесет свою лепту в возрождение духовности и возвращение людей к вере в Бога", — писал Святейший в благодарственном письме на имя директора Института перевода Библии о новом переводе Евангелия от Марка на якутский язык.

На сегодняшний день практически готовы к изданию столь же тщательно выполненные пе­реводы трех оставшихся Евангелий — от Мат­фея, Луки и Иоанна, а также перевод Деяний св. Апостолов и некоторых посланий. Книга Четвероевангелия и Деяний св. Апостолов пла­нируются к выходу в свет в 1997 г., ко дню празд­нования 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия (Вениаминова) — архиепископа Якутского, Камчатского, Алеутского и Куриль­ского, а позднее Митрополита Московского и Коломенского, и 365-летия присоединения Яку­тии к России. Это праздничное издание должно стать подарком для якутских верующих и вкладом в развитие духовности и языка этого народа. Однако сегодня из-за финансовых трудностей осуществление этого проекта находится под угрозой.

В надежде на Вашу помощь мы оставляем адрес и расчетный счет Института перевода Библии:

121019 Москва, Волхонка, 18/2
р/с 0000 047260 005 в/с 0000 047260 016 в
ком. банке "Столичный" г. Москвы, МФО
201791 или 299112

Контактные телефоны: 165-93-40,
463-17-19

ФЕВРАЛЬ

1	СБ		17.00	Всенощное бдение.
2	ВС	Неделя 35-я по Пятидесятнице. Прп. Евфимия Великого.	10.00	Литургия. Третьи.
3	ПН	Прп. Максима Грека.	8.00	Утренняя. Литургия. Третьи.
		Акафист иконе Божией Матери "Державная".	18.00	Вечерия и акафист.
7	ПТ	Свт. Григория Богослова, архиеп. Константинопольского, Свщмч. Владимира, митр. Киевского и Галицкого.	8.00	Утренняя. Литургия. Третьи.
		Акафист мч. Татиане.	18.00	Вечерия и акафист.
8	СБ		17.00	Всенощное бдение.
9	ВС	Неделя 36-я по Пятидесятнице. Собор новомучеников и исповедников Российских.	10.00	Литургия. Третьи.
10	ПН	Акафист иконе Божией Матери "Державная".	18.00	Вечерия и акафист.
12	СР	Собор Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.	8.00	Утренняя. Литургия. Третьи.
14	ПТ		18.00	Всенощное бдение.
15	СБ	Сретение Господа нашего Иисуса Христа.	8.00	Литургия.
			17.00	Всенощное бдение.
16	ВС	Неделя о мытаре и фарисее. Попраздние Сретения Господня. Прав. Симеона Богопримца и Анны пророчицы. Равноап. Николая, архиеп. Японского.	10.00	Литургия. Третьи.
17	ПН	Акафист иконе Божией Матери "Державная".	18.00	Вечерия и акафист.
21	ПТ	Акафист мч. Татиане.	18.00	Вечерия и акафист.
22	СБ		17.00	Всенощное бдение.
23	ВС	Неделя о блудном сыне. Свщмч. Харлампия и с ним мчч. Порфирия, Вагтоса и трех мученик.	10.00	Литургия. Третьи.
24	ПН	Акафист иконе Божией Матери "Державная".	18.00	Вечерия и акафист.
25	ВТ	Иверской иконы Божией Матери. Свт. Алексия, митр. Московского и всея России чудотворца.	8.00	Утренняя. Литургия. Третьи.
28	ПТ	Парастас.	18.00	Вечерия. Утренняя.

“Вестник РПА” — совместное издание службы религиозной информации “Метафразис” и Российского православного агентства. (эл. почта: mf@g-las.apc.org)

ПАТРИАРХ ПОДВЕЛ ИТОГИ ГОДА
12 декабря на епархиальном собрании московского духовенства и приходских советов Патриарх Московский и всея Руси Алексей II по традиции выступил с отчетным докладом.

Главным итогом года Патриарх назвал сохранение единства Церкви, ее строя и иерархии. Церковь смогла развиваться структурно и административно, смогла возрождать формы своего служения.

Говоря о развитии высшего и среднего духовного образования, Патриарх особо подчеркнул роль Московской духовной семинарии и академии в подготовке священнослужителей, а также их “младшего брата” — Свято-Тихоновского богословского института. Обозначил он и новую проблему — появление учебных заведений, в том числе и вышших, которые носят название православных и где, однако, но только допускаются, но и господствуют неправославные взгляды. Святейший, имея в виду деятельность Библийского богословского института им. ап. Андрея и Общественного университета имени о.Александра Меня, заметил: “Что бы вы сказали, услышав, что Ветхий Завет комментируется не по Святым отцам, а по Талмуду, Кабале, Корану... что во всем Ветхом Завете не находят ни одного указания на Святую Троицу?”

С недоумением рассказал Патриарх о том, что некото-

СОЗДАН “КЛУБ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ”

Презентация “Клуба православных предпринимателей” состоялась 2 декабря в Москве в гостинице “Даниловская”. В ней приняли участие Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, представители правительства Москвы, творческой интеллигенции, деловых кругов.

Учредителями клуба выступили Торгово-промышлен-

В РОССИЮ ВЕРНУЛСЯ СУВОРОВСКИЙ ИКОНОСТАС

Реликвию русской воинской славы — Суворовский иконостас — длительное время находившийся за границей, передан российскому посоль-

стве священнослужители стали меньше дорожить Отеческим преданием и благочестивыми традициями. Они избегают, стесняются говорить о России как о православной стране.

Дал он и ясную оценку некоторым направлениям церковной жизни. “Сейчас идет интенсивное размытие православного сознания крайним либерализмом, могущим привести к трагическим последствиям: к расколу, разделению Церкви... Этому деструктивному процессу мы должны противопоставить свою твердость в вере, живой религиозный православный опыт христианской любви и заботы о каждом верующем человеке и о России в целом”, — подчеркнул Патриарх.

Ответа Патриарх и тем, кто обвиняет Церковь в том, что она не выполнила миссии духовного возрождения и преобразования общества. “Да, за пять лет обретенной свободы не произошло чуда преобразования всех людей”, — сказал Патриарх. — Церковь этого чуда никогда не обещала. Разрушить за пять лет в человеке и обществе можно многое, создать же что-то доброе труднее. Для этого требуются десятилетия. Плевелы на поле человеческого сердца растут быстрее, чем пшеница, и этому способствует массовое телевизионное и информационное растение населения”.

ИМА ПАЛАТА РФ, ДЕПАРТАМЕНТ

поддержки и развития малого предпринимательства правительства Москвы, Национальная финансовая корпорация, банк “Первый инвестиционный”, Издательский дом “Экономическая газета”, гостиница “Даниловская”, Межгосударственный издательский центр православной литературы.

в Калининград. Этот иконостас находился в войсках, расквартированных во время семилетней войны в Пруссии.

В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЕЛ ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ПРАЗДНИК ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Екатерининский праздник духовной культуры, организованный Российской национальной библиотекой совместно с Фондом по изучению истории Православной Церкви во имя святителя Димитрия Ростовского, прошел в Петербурге 8 декабря. Накануне, 7 декабря, Русская Православ-

ная Церковь отмечала день памяти св. Екатерины Александрийской.

В рамках праздника прошел концерт духовной музыки и церковных песнопений в исполнении двух православных, католического и лютеранского хоров.

В СВЯТО-ТИХОНОВСКОМ ИНСТИТУТЕ СОЗДАНА БАЗА ДАННЫХ О РУССКИХ СВЯТЫХ

В Свято-Тихоновском богословском институте создана компьютерная база данных, содержащая сведения о русских святых. Теперь любой пользователь в самой далекой точке планеты сможет познаться через систему “Ин-

тернет” (<http://kuz1.psbt.ccas.ru>) с житиями четырехсот пятидесяти мучеников, святителей и преподобных, канонизированных Церковью. Там же хранится информация о новопочиненных XX века и фотографии современных архиереев.

ВЫШЕЛ В СВЕТ ПЕРВЫЙ РОССИЙСКО-КИПРСКИЙ ВЫПУСК МАРКОВ “КУЛЬТУРА ПРАВОСЛАВИЯ”

Он включает в себя четыре марки, на которых изображены по одной иконе и культовому сооружению России и Кипра: репродукция Иверской иконы Божией матери; Воскресенские ворота на Красной площади, где эта икона находилась вплоть до 1929 года; кипрский мужской монастырь

Старовуни; икона святителя Николая 1915 года. Икона эта примечательна тем, что была писана для самого императора Николая II, но после его гибели оставалась в Греции и теперь хранится в монастыре Старовуни. Выпуск марок благословил Патриарх Алексей II.

В ПЕТЕРБУРГЕ ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА РУССКИХ СИНОДИКОВ

В Петербурге в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге открылась выставка русских синодиков — поминальных списков и сборников нравоучительных рассказов.

Библиотека представила на выставке все самые ценные экземпляры из своей коллекции, восходящие к собраниям Ф. Буслаява, М. Погодина, Титова и других.

В МОСКВЕ СОЗДАН ВСЕРОССИЙСКИЙ ХРИСТИАНСКИЙ СОЮЗ

Учредительная конференция “Всероссийского христианского союза” (ВХС) состоялась 3 декабря в Москве в Библиотеке иностранной литературы. Заявлено, что в отличие от других христианско-демократических движений в нем будет лидировать православная общечеловечность.

демократическое движение, но сделать его православно-ориентированным. Эта фигура — Михаил Мень, сын протоиерея Александра Меня, ныне депутат Госдумы от партии “Яблоко”. В состав Центрального координационного совета также вошли директор ВТБИЛ Е.Геніева, главный редактор “Литературки” А.Уальцов, бывший прессекретарь Ельцина А.Краснов и ряд других представителей московской интеллигенции.

Организаторы ВХС выдвинули новую фигуру, которая, по их мнению, сможет не просто возглавить христианско-

Комментарий РПА: Нет сомнений — вера и христианские нравственные принципы совместимы с политикой, а в политике “нужны люди, которые руководствуются христианскими принципами”. Однако политическая инициатива московской интеллигенции вызывает недоумение. Не потому, что сколь-нибудь значимой “социальной базы” у такого движения нет и не будет, но само словосочетание “христианский демократ” вызывает глубокое недоверие у российского избирателя. Реальная социальная база — “православный электорат” — ориентирована сегодня консервативно, и новая попытка либералов преодолеть “маргинальность” прошлых групп, скорее всего, потерпит провал.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

ПЕРВОЕ, что здесь поражает, — это размах. И уровень исполнения. И точность попадания. В поток, в струю, в цель — туда, где разрываются пути, разрываются цепи, разрешаются недоумения. В “узел жизни, в котором мы узаны и развязаны для бытия”.

Сретенский монастырь является на сегодняшний день крупнейшим издателем православной литературы. Ежемесячно здесь выходит более двадцати новых книг. Это и древняя святоотеческая литература — Ава Дорофей, преп. Иоанн Лествичник, преп. Никодим Святогорец; и богословская — например, многотомные творения выдающихся русских святителей Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, Тихона Задонского; и жизнеописания подвижников, святых — к примеру, на высочай-

шем полиграфическом уровне изданная книга о юродивом иеросхимонахе Феофиле; и проповеди известного всей стране старца Иоанна (Крестьянкина); и философские, исторические, литературные труды разных авторов; и, главное, бесценные, хотя многими еще не оцененные по достоинству, богослужебные издания. Минеи, выпущенные Сретенским монастырем, — огромного размера, оформленные в древнерусском стиле — даже своим внешним видом как бы свидетельствуют о красоте богослужения и твердости православного духа.

Таков размах издательства: от современных авторов до подвижников древности, от научных трудов до святоотеческих писаний, от профессионализма до любви.

1. Богослужебные Минеи. В 12 томах.
2. Творения святителя Игнатия (Брянчанинова). В 7 томах.
3. Проповеди архимандрита Иоанна (Крестьянкина)
4. Служебник
5. Преподобный Серафим
6. Сеятель христианского благочестия
7. На службе Богу
8. Молитвослов с Псалтирью
9. На приходе
10. История Церкви для детей. 1-2 тома
11. Пастырское богословие
12. Акафист ко Пресвятой Богородице
13. Старец Симеон
14. Краткая повесть об антихристе (Владимир Соловьев)
15. От Бога мир и утешение
16. Призови Господа в день скорби
17. Да не смущается сердце ваше...
18. В терпении вашем стяжите души ваши
19. Молитвенное правило преподобного Амвросия Оптинского
20. О воспитании детей
21. О смертоносном бытии дьявола
22. Церковь и ереси
23. Будущее России и конец мира (иеромонах Серафим (Роуз))
24. Русская Церковь: 1917-1925.
25. Троицкие цветки с луга духовного
26. Грех и покаяние последних времен (архимандрит Лазарь)
27. Глубь-трясина
28. Русский синодик
29. Послания святого патриарха Тихона (“К тебе обольщенный, несчастный русский народ...”)
30. Дорожный молитвослов с Псалтирью
31. Плач в воспоминание страстей Христовых
32. Узы мира
33. Святые минуты Божественной Литургии
34. Горе нашему нечувствию!
35. Преподобный Серафим творит людям по вере их
36. Семья, взысканная чудесами преп. Серафима Саровского
37. Урок христианской любви
38. Истинный счастливец
39. С порочными не дружи
40. Непостижимы судьбы Твои, Господи!
41. Преподобный Серафим Саровский
42. Бог не попускает наказаний выше сил наших
43. Святое путешествие
44. Не спорь с Богом!
45. Отческие заветы святителя Алексия, митрополита Московского
46. Радость восходящей на небо Богоматери
47. Седьмь Архангелов Божиих
48. Что получали от преподобного Серафима его детки
49. О почитании святого Креста Господа Иисуса
50. Притча о самонадеянном страннике
51. Власть духовная и власть мирская
52. Толкование на Шестопсалмие
53. Молитвенное правило для начинающих
54. Тайна беззакония
55. Опыт построения исповеди
56. Церковно-исторический словарь
57. Записи священника Александра Ельчанинова
58. О тайных недугах души
59. Христианства нет без Церкви
60. О памяти смертной
61. Как жить, чтобы спастись
62. О злых деятелях
63. Россия! Будь такой, какой ты нужна Христу
64. Мир всем во след Христа грядущим
65. О суевериях
66. О стяжании Святого Духа
67. О терпении скорбей
68. Саровские старцы
69. Иеросхимонах Феофил
70. Православие и религия будущего
71. Душа после смерти
72. Об искушениях тайным знанием

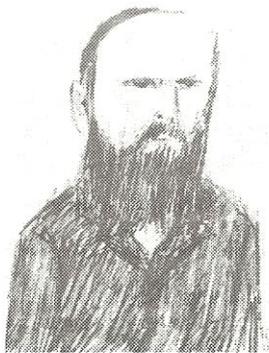
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Международная научная

В некотором смысле все романы Достоевского — это развернутая метафора его Пушкинской речи. Вся его проза — некий колоссальный метатекст, стержнем и двигателем которого является один неизменный сюжет.

Этот сюжет — Россия.

Игорь Волгин

Элен Раскин.

Портрет Ф.М. Достоевского.

КОНФЕРЕНЦИЯ, приуроченная к 175-летию со дня рождения писателя, проходила 11—17 ноября 1996 года в Москве и Санкт-Петербурге. Среди ее организаторов — филологический факультет МГУ, Общество Достоевского, Государственный Литературный музей и т.д. В Москве местом проведения конференции стал 1 Гуманитарный корпус Университета, в Санкт-Петербурге — Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. Программа конференции также включала в себя: панихиду по Федору Михайловичу в церкви преп. Пимена, возложение венков к памятнику писателя, экскурсию «Москва Достоевского», посещение спектаклей по его произведениям и многое другое.

На открытии конференции 12 ноября выступили почетные гости: писатель А.И. Солженицын, президент российского Общества Достоевского, академик И.Л. Волгин, ректор Православного университета имени Иоанн (Экономоу) и другие.

Уже в названиях докладов, заявленных для Петрических заседаний, проявилось разное восприятие Достоевского, которого именуют: «...предтечей европейского экзистенциализма» (Е.Т. Николаевская), участником «...диалога с Че Геварой» (И.Клементьев), «...ликом русской стихии [вместе с Есениным]» (Л.Е. Воронова), «...пророком криминальной России» (Н.В. Паншев) и проч. В Московской части конференции

наибольшей популярностью пользовалась тема, связанная с Апокалипсисом (только в названиях докладов она звучала четырежды). Интересно, что Юрий Карякин, опросив в разных странах людей различных культурных уровней, обнаружил, что 99,9% ответивших понимают под словом Апокалипсис «мрак, беспросветность» или «конец света», тогда как на самом деле это — «Откровение» (в переводе с др.-греч.) апостола Иоанна Богослова, последняя книга Нового Завета.

Мы попросили разных людей написать об этой конференции. Конечно, их впечатления неполны, отрывочны, во многом спорны и субъективны. Кроме того, они касаются лишь «Московской половины». Мы представляем также два доклада из конференции, обработанных авторами специально для «Татьянинного Дня».

«Ах, как нехорошо!»

Александр Исаевич Солженицын, любезно приняв подаренный ему номер газеты «Татьянин День», тем не менее отказал в интервью нашему корреспонденту, пояснив: «Как Вы могли заметить, я уже три года не даю никаких интервью». Студенту, попросившему у него автограф на учебнике по праву, Александр Исаевич ответил: «Ах, как нехорошо!». Но автограф все-таки дал.

«КРИК ОСЛА» В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

СРЕДИ прочих неясных речей князя Мышкина, сказанных им при первом посещении дома Епанчиных, примечательна та, в которой князь возносит хвалу ослам вообще и особенно крику осли, пробудившему его к новой жизни.

Во время застольной беседы князь просит рассказать о первом впечатлении в Швейцарии. И князь рассказывает, как его, больного, везли через разные немецкие города, и он, еще не оправившись от ряда сильных припадков, терл память и чувствовал нестерпимую грусть от того, что все вокруг чужое. Окончательно вернул его к жизни и примирил со Швейцарией крик осли на городском рынке. С тех пор, по признанию князя, он ужасно полюбил ослов.

Весь этот странный рассказ можно было бы, по совету генеральши Епанчи-

ной, и пропустить, посчитав неудачной шуткой недовольного гостя, если бы князь серьезнее не связывал с криком осли свое исцеление и духовное возрождение. А поскольку князь был возвращен в Россию своим швейцарским доктором не в последнюю очередь для того, чтобы проповедовать некую идею, то оставить без внимания обстоятельство, способствовавшее его духовному прозрению, каким бы нелепым оно ни казалось на первый взгляд, совершенно невозможно.

Образ осли относится к тем образам, которые считаются древнейшими и традиционными. Традиции его толкования предельно разнообразны: от талмудической и евангельской до мимической и сатурналиевой. Но особенно прочно крик осли в религиозной жизни западного мира связан с ослиной мессой,

бывшей частью праздника осли — по-дофициально, но все-таки легально существовавшего на протяжении примерно семи веков ритуала.

Праздник осли известен по крайней мере с IX века. Он представлял собой омерзительное действие на евангельский сюжет о бегстве в Египет. В городе выбирали самую красивую девушку, давали ей на руку младенца и сажали их на осли. Осел с девушкой и младенцем, изображавшими Марию и Христа, в сопровождении клира и паствы направлялись к главному храму города. Там священник служил ослиную мессу, кульминацией которой был троекратный крик осли.

Несмотря на неофициальность и неканонизированность праздника, все источно фиксируют обряд ритуала и один текст ослиной мессы, составленный Пьером Корбейлем. Месса

И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

К О Н Ф Е Р Е Н Ц И Я

ДОСТОЕВСКИЙ В "УЗКИХ РАМКАХ"

Из тех докладов, которые я услышал, большинство носило академический характер, свойственный такому рода конференциям. Однако прозвучали и выступления, отличавшиеся нетрадиционностью взглядов на творчество Достоевского. Можно проследить два основных подхода к творчеству писателя.

Для первого из них характерно стремление "высвободить" Достоевского из "узких рамок" христианства. Так, Отари Кандауров в своем докладе о "третьем завете" у Достоевского (так называемом "завете Святого Духа") неопределенно, как можно Достоевского называть христианским писателем. Между христианством и Христом, по мнению докладчика, нет ничего общего. Христианство — это "мягкая пицца" каких-то правил. Где там, — восклицал он, — зерно, умирающее и приносящее много плода? Воскресение в христианстве — это когда кости встают из гроба и обрастают мясом. "Духовные мастера", как выразился О. Кандауров, находят себе "твердую пищу свободной духовности", где есть настоящее умирание и воскресение нового человека, например в мистике. Они уже вступают в эпоху "третьего завета", воплощением которого является Алеша Карамазов (тогда как Иван Карамазов соотносится с Ветхим Заветом, а Дмитрий — с Новым). Так что Достоевский был вовсе не христианским писателем, а "духовным мастером", эзотерическим пророком. В качестве одного из аргументов доклад-

чик указал, что год рождения Достоевского (1821) совпадает с годом вступления Пушкина, столь ценимого Федором Михайловичем, в масоны, а сумма цифр этой даты в определенной системе каббалы является ключом к мирозданию. Никакого анализа произведений самого писателя услышать не пришлось. Интересно, что практически любая попытка "дехристианизации" творчества Достоевского строится на песке глухоты к тому, чем питалось и дышало слово писателя, к конкретному смыслу идей, раскрывающихся в его произведениях.

Между тем, конкретный анализ произведений Достоевского, характерный для другого подхода, показывает, что в послекаторжный период в них все более возрастала роль Евангелия как духовного ключа к миру. А последний роман Достоевского "Братья Карамазовы" буквально весь построен на евангельских словах, осмысленных церковным сознанием писателя, причем ярко проступает апокалиптическая проекция взгляда писателя.

В одном из докладов на основе анализа текста "Братьев Карамазовых"

МЫ, ОНИ и ОН

Мы — здесь, они — там, он — в месте, где несть болезнь, надо надеяться. По крайней мере, об этом молились на панихиде...

Мы бегаем, суемся, шлем телефаксы — им, встречаем в Шереметьево-2, отвозим в зону "Е", дивимся на их детский эгоизм, желание получить все на халяву. Они искренне говорят о своих заслугах перед русской литературой, так что складывается впечатление, будто она у них в долгу. Они дивятся нашей расхлябанности, нежеланию работать и плохой организации.

Все, что делаем мы и что делают они, все это делается ради него.

Он — кормилец. Кормит и их, и нас. Нас несколько хуже, чем их, зато он — наш соотечественник. Под его 175-летие выбиваются деньги и организуется конференция. Организуется, правда, как-то странно: часть в Москве, часть в Санкт-Петербурге, одна секция не слышит, о чем рассуждает другая, — обе работают одновременно, — но это не важно. Конференция, хоть какая-нибудь, нужна! Пусть доклады слушают сами докладчики, пусть они платят за выступление 100 долларов — по мировому стандарту, пусть плохие доклады жлет та же реакция, что и хорошие; меня уверяли, что так везде. И вообще, в любой конференции интересные не выступления, а личные контакты, возможность завязать отношения.

Все, кажется, довольны. Они получают свои гранты, мы поставим галочку в графе "Конференция". Он тоже не должен быть в обиде. Панихиду отслужили? Отслужили! И конференцию провели. А что еще, спрашивается, надо?..

Андрей Кузнецов, аспирант филфака МГУ

состояла из 9 стихов, пропеваемых священником на латыни, и рефрена, который паства выкрикивала после каждого стиха по-французски. В первом стихе мессы осел провозглашался мистериальным, жертвенным животным, предназначенным как для восславения, так и для поругания. Восемь из девяти стихов осли прославляли, превозносили его силу, выносливость, терпение и прочие добродетели, упомянутые также князем Мышкиным в его похвальном слове ослу. В шуточном рефрене прихожане обещали ослу, если он спод, вловить овса и сена. В заключительном стихе мессы уже и пастырь обращался к животному с той же просьбой: "Хочешь лечь спать с нами — Аминь (все опятели на колени) — окропи себя святой водой и прокричи трижды "Аминь!" После этих слов священник кричал ослу.

В крике осли, то есть в ослином "Аминь", слышалось "Аминь"

наоборот. Анаграмму "Аминь" фиксирует и графическая передача крика осли в тексте Пьера Корбейля, обратное же чтение священных слов прочно связывается с голосом дьявола. Однако ослиная месса не заканчивалась кощунственным криком. За криком осли следовал рефрен, текст которого отличался от повторявшегося прежде. Прихожане обращались к "Сиру ослу" со словами: "Сир, да вы всего лишь осел, шли бы вы лучше куда подальше!". После этого священник трижды кричал ослу и прихожане, вторя ему, со смехом изгоняли осли из храма. Крик осли в храме был, таким образом, частью обряда изгнания дьявола, смехового развенчания злых сил, изгнание их из храма и из душ молящихся.

По всей видимости, об исцелении такого рода говорил и князь Мышкин, начав рассказ о своем пребывании в Швейцарии с упоминания крика осли.

Много позже, размышляя о своей болезни, князь скажет о мгновениях, предшествующих припадкампадчел, и сравнит их с Магометовым мгновением, то есть с минутой высшего самознания и самоощущения, в которую, согласно легенде, эпилептика Магомету было открыто высшее знание. Однако тут же князь станет раздумывать, являются ли эти минуты восторженного молитвенного единения с целым бытием проблемскими высшим или, напротив, инициированы самым низшим. Возможно, крик осли потому и примирил князя с его положением, что, напомнив крик эпилептика, убедил в том, что бес изгнан и, следовательно, за Магометово мгновение не жалко и жизнь отдать.

Ирина Попова,
канд. филол. наук,
выпускница филфака МГУ

говорилось, что Достоевский, писавший "идет антихрист" и "конец всему близок", видя признаки цивилизованной *теплохладности* в русском обществе, блуднице, восседающей на звере, тем не менее связывал с Россией свои чаяния о рождении того нового слова, которое противостанет антихристу. В черновиках к "Бесам" Достоевский писал: "Россия есть лишь олицетворенные души Православия (раб и свобода). Христианство, Апокалипсис, царство 1000 лет... Мы несем миру... Православие, правое и славное вечное исповедание Христа... мы несем первый рай 1000 лет..."

Владимир Соловьев в конце третьей речи в память Достоевского отметил, что писатель однажды применил к России апокалиптическое значение жены, облученной в солнце и в мучениях рождающей младенца мужского пола: жена — это Россия, а рождаемое ею — то новое слово, которое Россия должна сказать миру. По толкованию на Апокалипсис св. Андрея Кессарийского, под женою следует разуметь Церковь, которая "болят, пережидая душевных и духовных, и видом, и образом преобразуя их по подобию Христову... Мужского пола сын — это чада Церкви, неослабленные похотими..." Отсюда становится очевидным смысл чаемого старцем Зосимой братства как осуществления Царства Божьего при втором пришествии Христовом и смысл образа "инока в миру" Алеши Карамазова ("...от нас выйдет Энок и Илья, чтоб сразится с антихристом, т. е. духом Запада..." — так писал в черновиках к "Бесам" Достоевский). И вот уже не нужно сочинять "третьего завета".

Федор Тарасов,
аспирант филфака МГУ

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Сразу привлекло внимание то, что сравнительно малое число докладов были формально-литературоведческими, разбирающими только образы, сюжеты, тропы, мотивы. Достоевский неизбежно влечет к размышлениям о предметах духовных, о судьбах Отечества и мира, в конечном счете — к исповеданию своего *credo*. "Христианство, — писал Достоевский, — есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть". Эта слава явлена и в книгах Достоевского, чья "осанна", по его признанию, прошла "через большое горнило сомнений" (и страданий, добавим мы).

Так, Юрий Карякин в своем выступлении отметил, что за свою жизнь Достоевский пережил около 250 (!) приступов эпилепсии, каждый из которых мог окончиться смертью. Всем известно, что писатель был приговорен к казни, которую отменили в последний момент. Помилование и сибирская ссылка вызвали переворот в его душе. Болезнь же Достоевского реально воспроизводила ситуацию казни бесчисленное число раз в течение всей жизни писателя. Достоевский всегда смотрел в лицо смерти и всегда помнил о ней. Именно поэтому в его книгах сквозят бесконечные страдания видится победа над грехом и смертью.

Некоторые выступления на конференции носили нарочито публицистический характер, ведь Достоевский — обостренно современен. Один из докладов назывался "Пророческий дар Достоевского". Мысль писателя простиралась к концу времен, к недолговечному, но страшному царству "Великого инквизитора", царству, на пороге которого стоит и наше Отечество. Размышляя об этом, Достоевский писал: "Не в

православии ли одном сохранился божеественный лик Христа во всей чистоте? И может быть, главнейшее предизбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божеественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, выявить этот образ миру, потерявшему пути свои". И еще: "Не в православии ли одном и правда, и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества?" Искренний читатель найдет в книгах Достоевского ясный ответ на этот риторический вопрос.

Алексей Аксенов, аспирант
филфака МГУ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ПРОШЕЛ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ СОВЕТЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Он состоялся 13 ноября в рамках программы "Сохранение и развитие русской православной культуры" по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

На вечере выступили: председатель Издательского Совета епископ Бронницкий Тихон, профессор Московской Духовной Академии А. И. Осипов, писатель В. Н. Кручин, священники, богословы, литературоведы. Все они отметили точность раскрытия Достоевским мельчайших духовных и психологических переживаний человека, ценность его произведений даже в пастырской и медицинской деятельности.

На вечере прозвучали отрывки из произведений писателя, литературно-музыкальная композиция, духовные песнопения.

Вечер, открывшийся пением "Вечной памяти" Федору Михайловичу, закончился также общей молитвой.

О некоторых родственных чертах антропологини Б. Паскаля и Ф. Достоевского Соотношение "ума" и "сердца" во внутреннем мире человека

ПАСКАЛЯ и Достоевского роднит многое: сосредоточенность на "тайне человека" и путь ее разрешения, критика атеизма и апология христианства, раскрытие следствий гордости и смирения как полярных духовно-психологических сил личности, отношение к иезуитской морали и ярко выраженный христосцентризм, выяснение границ "евклидова ума" и роли "законов сердца". Именно последней проблеме посвящения мои замечания.

Сердце понимается и Паскалем, и Достоевским как основание внутреннего мира человека, корень его деятельных способностей, источник доброй и злой воли. Движения

сердца формируют духовный склад личности, органично приводят ее мысли к определенным идеям и теориям. Стройные умозаключения как бы обслуживают сердечное-волевое представление и в конечном итоге всегда уступают ему — несмотря на любые усилия разума освободиться. "У сердца, — подчеркивает Паскаль, — свои доводы, которых совсем не знает разум".

Достоевский раскрывает ту же зависимость между главными силами "внутреннего человека": "Ум — способность материальная, душа и дух живут мыслью, которую напечатывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина,

движимая огнем душевным..." Следовательно, "машина ума" оказывается необходимым, но подсобным инструментом для лишь частично внитяного оформления "напечатывания сердца" и заключения в логические рамки "душевного огня". Главным же является содержание и полустремление основополагающих сердечного-волевых желаний. Достоевский потому и был пророком, что умел находить фундаментальные "точки, о которых грезит сердце" и которые в скрытом виде — будучи разбавленными водой логики, науки, социальных учреждений — входят в историческую жизнь, предопределяя развитие идей и теорий. Об этом

Далеко на сотни верст раскинулась напоенная солнцем Рязанщина с ее золотыми проселками, рыжкими ароматными стогами на отдыхаемом живине, синими рощами и белым озерным туманом. Как и сто лет назад, хороводят вдоль широких деревенских улиц “хаты — в ризах образа”, а на изумрудных лугах рассыпались коровы стада под наблюдением идеалических пастухов.

Издана эта земля благословляла молодых людей на учебу в Московский университет. Трое из них (Павел Некрасов, Матвей Любавский, Владимир Гулевич) стали его ректорами. Об одном из них пришло время вспомнить особо.

НЕГРОМКОЕ ЭХО ПРОВИДЧЕСКОГО ГОЛОСА

Памяти ректора Матвея Кузьмича Любавского

20 ноября 1936 года в Уфе в возрасте 76 лет скончался отбывавший пятилетний срок ссылки “с зачетом предварительного заключения” выдающийся историк, ректор (1911-1917) и заслуженный профессор Московского университета, академик АН СССР (1929) Матвей Кузьмич Любавский.

Родился будущий ученый 1 августа (по старому стилю) 1860 года в семье дьячка церкви села Большие Жоары Сапожковского уезда Рязанской губернии. По окончании духовного училища поступил в Рязанскую духовную семинарию. В 1878-1882 гг. Матвей Любавский — студент историко-филологического факультета Московского университета. Защитив докторскую диссертацию “Литовско-русский сейм” и получив в 1902 году звание ординарного профессора, он стал преемником своего учителя, В.О. Ключевского, на кафедре русской истории. Его деятельность на посту декана историко-филологического факультета (1908-1911), а затем — ректора Московского университета проходила в сложнейшей обстановке между двумя революциями, в условиях массового студенческого движения и ответных правительственных мер, в период, когда Университет вынужден был перестраиваться в связи с вступлением России в Первую мировую войну.

Академическая наука создавала ту особую атмосферу, которой дышал ученый. Ему принадлежат труды по истории, исторической географии, историографии России и Литвы. Арестованный в 1930 году по обвинению в “контрреволюционном заговоре” и сосланный в Уфу (1931), М.К. Любавский там тоже работал — над монографией по истории Башкирии, собирал архивные материалы.

Любавский, будучи глубоким знатоком закономерностей исторического процесса, понимал бессмысленность апелляции к законности и справедливости в разгар политических репрессий. Своим домашним он завещал терпение и тридцатилетний срок ожидания, проявив удивительную профес-

напоминал Достоевский незадолго до своей кончины: “...ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца... ошибки сердца есть вещь страшно важная: это есть уже зараженный дух иногда даже во всей нации, несущий с собою весьма часто такую степень слепоты, которая не излечивается даже ни перед какими фактами, сколько бы они ни указывали на прямую дорогу; напротив, перерабатывают эти факты на свой лад, ассимилируют их со своим зараженным духом...”

И у Паскаля, и у Достоевского сердце является своеобразным органом познания тех сторон бытия, которые неподвластны разуму. “Познать природу, душу, Бога, любовь, — пишет Достоевский, — это познать сердце, а не умом... Ежели цель познания будет любовь и природа, тут

оказывается чистое поле сердцу”. А вот что читаем у Паскаля: “Сердце чувствует Бога, а не разум. Вся суть веры в том, что Бог постигается сердцем, а не разумом...”

Сердце, подчеркивает Паскаль, так же естественно ставит эгоцентрическую личность в центр вселенной и отворачивается от Бога, как и наоборот — любит Бога и охлаждает к удовлетворению своекорыстных устремлений: “Вы отбросили одно и сохранили другое — разве с помощью разума вы любите?”

Боголюбие или самолюбие, — именно так, как бы вслед за Паскалем, но с гораздо большей остротой ставится вопрос у Достоевского. Писатель полагал, что отказ от стремления “по своей глупой воле пожить” происходит в человеке только тогда, когда его душа полностью захвачена

сиональную прозорливость: действительно, реабилитация “за отсутствием состава преступления” и восстановление в звании действительного члена АН СССР пришли только через тридцать лет после его кончины, в 1967 году.

Прошло более двух десятков лет, и в 130-й юбилей М.К. Любавского зазвучал “поднятый до уровня” центральной прессы (см. Советская культура, 1 сентября 1990 года) обращенный к народам прелестерегающий голос ученого: “Никакое совершенствование жизни, никакой прогресс невозможен для страны и племени, если все живые и творческие силы его будут уходить на сторону, не будут работать дома, на местах, если всегда будут стремиться туда, где живет веселее и радостнее, чем в тихой, серой и заплаканной Родине”. И сейчас, когда новая “эпоха” с младенческой резвостью и недетским расчетом торопливо роет свои котлованы, а рев и визг моторов необратимо заглушается искрадкими постукиванием компьютерных клавиш, как никогда настойчиво звучит залогом неизменной веры в историю негромкое эхо его провидческого голоса.

Ректор М.К. Любавский

Владислав Ремарчук,
преподаватель ИСАА при МГУ

В связи с 60-летием со дня смерти М.К. Любавского по просьбе родственников в Университетском храме св. Татианы была совершена панихида. Так продолжается традиция поминовения людей, связавших свою судьбу с Московским университетом.

абсолютным идеалом, стирающим в ней все остальные “идеалы” и идолы. Воцарение же Иисуса Христа возможно лишь в чистом сердце. Стало быть, очищение от “сердечного бреда” эгоистической природы становится самой существенной задачей. “Всяк ходи около сердца своего”, — призывает старец Зосима в “Братьях Карамазовых” вглядываться в “начала” и “концы” многообразных человеческих желаний и побуждений.

И Паскалю, и Достоевскому были одинаково близки слова 50 псалма и заключенная в них краугозльная мысль: “Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей”.

Борис Тарасов, доктор
филологических наук, выпускник
филфака МГУ

ЭФФЕКТ РАЗОРВАВШЕЯСЯ БОМБЫ

17 октября на факультете журналистики МГУ проходила "Татьянинский вечер" под названием "Церковь и пресса". Его организовала, получив благословение Святейшего Патриарха Алексия II, Университетская церковь совместно с Музеем истории МГУ. Тема этого вечера оказалась настолько взрывоопасной, что пройти тихо ему не было суждено.

Вечер начался размеренно и академично. Ничто не предвещало драматической кульминации. (До взрыва оставалось 90 минут.) Епископ Бронницкий Тихон, председатель Издательского совета Московской Патриархии, зачитал приветственное слово Святейшего Патриарха¹.

Последующие выступления были посвящены главным образом двум вопросам: что говорят о Церкви средства массовой информации и каков опыт создания православных изданий и программ. Именно эти "зарядные устройства" повлекли за собой... (Впрочем, до взрыва еще 75 минут.)

Декан факультета журналистики МГУ профессор Я. Засурский отметил "давление на прессу коммерческих моментов", которое не дает раскрыть в полноте жизнь Церкви. Нужно, чтобы журналисты больше узнавали о церковных событиях из первых рук, а не гонялись только за скандальными материалами. В мировой практике публикации о Церкви связаны с моральными вопросами. И сейчас, когда назрел вопрос о возврате к традиционному ценностям, по мнению Я. Засурского, особенно важен опыт христианства. Ясен Николаевич поощал организовать в Союзе журналистов встречу с представителями Церкви, посвященную этой проблеме.

Е. Никифоров, председатель православного общества "Радонеж", подчеркнул, что сегодня церковная журналистика не может ограничиваться "благочестивыми листками". (60 минут до взрыва.) Тенденция недоговаривания, замалчивания собственных недостатков обостряется резким очернительством в светской прессе. Православная газета "Радонеж" и ежедневная одноименная радиопрограмма призваны, по мнению Е. Никифорова, исправить существующее положение.

Главный редактор журнала "Православная беседа" В. Лебедев основной проблемой церковной печати назвал ее неустойчивость перед обществом. (До взрыва 35 минут.) Виною тому, по мысли В. Лебедева, часто служат сами верующие, не желающие заниматься распространением и рекламой православной периодики.

Другие журналисты и общественные деятели, среди которых — писатель В. Крупин, публицист М. Дунаев, преподаватель риторики А. Волков, редактор газеты "Татьянинский День" В. Томачинский — с разных сторон подходили к освещению драматических отношений между Церковью и прессой.

Дьякон Александр Булеков, заведующий сектором информации ОВЦС², отметил, что главная задача — дать как можно более грамотную информацию о положении дел в Церкви. Тогда люди не будут довольствоваться материалами газет типа "Московский комсомолец". ("Выходя из троллейбуса, не забывайте свои вещи. О вещах, оставленных без присмотра, немедленно сообщайте водителю.")

Ведущий, настоятель Университетской церкви, отец Максим Козлов предоставил слово второму священнику Татьянинского храма о. Владимиру Вигилянскому.

(Часы отсчитывали последние секунды перед взрывом.) Это выступление было посвящено анализу протестантских и экуменических изданий, на страницах которых выступают и православные проповедники.

ВЗРЫВ!!!

"ИЗНАНОЧНЫЙ МИР" РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Есть анекдот про двух приятелей, встретившихся случайно на вокзале. Один спрашивает: "Куда едешь? В Жмеринку?" А сам думает: "Если он едет в Жмеринку, то наверняка скажет, что — в Одессу; и наоборот". Другой думает: "Если я его обману и скажу, что еду в Одессу, он сразу поймет, что еду в Жмеринку, поэтому скажу правду, чтобы он не догадался об истине".

В этом анекдоте заложен ключ к пониманию действия некоторых коммуникативных принципов современной прессы. Система кодов, шифров и в то же время расшифровки изначально, чаще всего — подсознательно, подразумевается журналистом. <...>

Либеральное обезбоженное сознание с его главным декларируемым принципом относительности Истины, понимая этот принцип относительности как синоним свободы, дает "изнаночному" миру не только полное равноправие, но и постепенно подчиняется его законам, судит обо всем с его колокольни, затем становится его преданнейшим слугой, а в конце концов — рабом. В этой ситуации христианское, "церковное" сознание с его главным принципом абсолютности Истины является существенной помехой на пути к окончательной победе "изнаночного" мира.

Неудивительно, что пресса, выражающая интересы и принципы либерально-демократического сознания и уже окончательно находящаяся в рабской зависимости от "изнаночного" мира, ведет иногда настоящую войну с Православной Церковью, причем в некоторых случаях устами либерально настроенных прихожан и даже представителей духовенства.

Ударной волной стали многоголосные цитаты из газеты "Русская мысль" и журнала "Логос" с комментариями о. Владимира³.

На наш взгляд, цитат уже вполне достаточно. Честно говоря, куда направлять свои стопы экуменический журнал "Логос" — в Жмеринку или Одессу — гадать не хочется, это становится вообще не интересно. Очень быстро и слишком мало понимаешь, о каком единстве ведется здесь речь, какой диалог подразумевается и какую цель преследует такой экуменизм, для которого слова "ортодокс", "ортодоксальность", "ортодоксальный" — худшие из худших ругательств.

"Изнаночный" мир прессы диктует свои законы: когда он говорит о единстве, речь идет о монологе; когда провозглашается единство, надо понимать это как "единственность"; когда он бичует гонителей, имеются в виду гонимые; когда пишет о кризисе, значит подразумевает возрождение; рассуждениями о либерализме он прикрывает самый жесткий диктат, связывающий руки чуждому мнению; когда он призывает к свободе, значит замысливает разгул анархии и вседозволенности; когда упрекает в "религиозной нетерпимости", значит за этим последует его озлобленный окрик, клевета и заключение...

Эхо этого взрыва еще долго разносилось на "Татьянинском вечере", на страницах газет, на волнах радиостанций.

Виктор Фомин

¹ Полный текст этого приветствия см. в №9 "ТД".

² Отдел внешних церковных сношений.

³ Целиком текст этого выступления можно прочитать в православном обозрении "Радонеж", №21—24.

"ФОМА" — журнал для сомневающихся

Первый номер журнала вышел весной 1996 года. Тогда же состоялась его презентация (вместе с "Татьяниним Днем") в Московском Институте Международных Отношений. Сейчас издание уже трю номере.

Рассказывает Владимир Гурбиков, со-редактор журнала "Фома" и замредактора газеты "Солидарность".

— Вы давно работаете в газете "Солидарность". Почему вдруг решили издавать журнал "Фома"?

— Все началось с моего крещения. К тому времени я уже работал в "Солидарности" и не стал скрывать, что являюсь православным. Естественно, это вызывает у многих любопытство. Мне начинают задавать вопросы: "Волею, как ты можешь быть православным, еси..." Этих "если" может быть миллион. Так как "Солидарность" — газета светская, то иногда там появляются материалы, которые совсем не нашлись православными. Все ждут (так как я хоть какой-то начальник), что я начну действовать методом запрета. Но с самого начала я подумал, что так делать нельзя. А вот "Фома" — это для меня продолжение разговора с друзьями, товарищами и коллегами.

— В народе имя Фома обычно ассоциируется с "Фомой неверующим". Это повлияло на выбор названия журнала?

— Одно дело народные представления, а другое дело — апостол Фома. Когда ему стали говорить, что Христос воскрес, он сказал, что я не верю, пока не увижу Его живого, не потрогаю Его раны. Он очень хотел в это верить и желал, чтобы вера его была серьезно подтверждена. Это отличает его от многих людей, которых называют "Фомой неверующим", то есть тех, кто безразличен к решению своих главных жизненных вопросов, которым, как говорится, "все до фанаря". А мы пишем для тех людей, которые хотят верить, но не могут — ведь им столько предлагали разных

рецептов спасения — сразу броситься и поверить просто так.

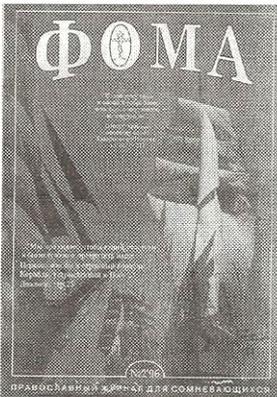
— Многие зависит от команды, которая составляет редакцию...

— У нас подобрались хорошая команда. Во-первых, я очень счастлив, что нашел такого человека, как Володя Лейгода, аспирант МГИМО. Через него я открыл для себя целый мир людей. Это очень важно, потому что можно легко замкнуться в своей церковной жизни и в ней как бы устроить себе некоторый комфорт, не только моральный, но даже и материальный. Во-вторых, вместе с нами оказалось несколько замечательных православных людей. Следует отметить, что 50% работников, особенно среди тех, кто осуществляет технический выпуск журнала, вовсе не крещеные люди. Причем работают они фактически бесплатно, но с удовольствием берется за дело. Я не знаю, станут ли они сами православными, но, во всяком случае, они поняли, что православие — вещь серьезная.

— Что будет представлять из себя журнал "Фома" в перспективе?

— Мы стараемся делать журнал по образу неформальной прессы. В прошлом у меня был уже подобный опыт. В свое время я был анархистом. В начале перестройки мы с друзьями честно искали истину, но забрели в другую сторону: стали анархистами и начали издавать журнал "Община". Потом мы с этим полностью разорвали. Но остался мой практический опыт, который показывает, что журнал должен быть лишь частью более широкой деятельности, для чего в будущем необходимо создание миссионерского общества. Ведь многие нуждаются в общении, в каких-то ознакомительных семинарах, лекциях, проходящих в неформальной обстановке, чтобы они совершенно свободно могли задать свой вопрос, от которого бы никто не охал и не ахал.

Интервью подготовили Юрий Ряхов и Максим Уфаев, студенты МГИМО

ПРЕССИНГ

ЧТО ЧИТАТЬ ДАЛЬШЕ?

С 30 октября по 4 ноября 1996 года на ВДНХ проходила выставка "ПРЕССА-97", в которой приняли участие представители газет, журналов, издательства, распространители печатной продукции, рекламные агентства.

Я не устаю поражаться: до чего любопытен наш народ! Несмотря на то, что дня непрерывной дождя, а павильон выставки находился в пятидесяти минутах ходьбы от входа и полужасе — от метро, все шесть дней люди шли потоком. Воистину русский народ — самый читающий в мире!

Кого тут только не было! Чего здесь только не выставляли! Работники газеты "Из рук в руки" принимали бесплатные объявления, соответствующего вида девочки из журнала "Клубничка" все время проводили какие-то шоу и розыгрыши, гремел походный оркестр, бойко шла торговля книгами, которые издательства продавали в розницу по оптовой цене, оформлялись льготные полкици, раздавались рекламные буклеты и календарчики, старые газеты и журналы...

Не было лишь ни одного православного издания. Видимо, аренда плата в 150 долларов за квадратный метр показалась непосильной для православных газет и журналов, редакторы которых зачастую не знают, на какие деньги выпустить следующий номер.

Лишь некоторые издательства представили книги духовного содержания. К примеру, наш сосед — издательство "Молодая гвардия" выставило на своем стенде замечательно оформленный "Апостол". Но самым православным по тематике своей продукции оказалось акционерное общество "Сувенир", где во всю стену арендованной площади красовались календари на следующий год с изображениями восьми икон Божией Матери.

Большой успех имел также ряд изданий, не провозглашавших своего религиозного характера: "Философско-образовательный" журнал "Будда", журнал "Свет", проповедующий оккультизм, книги Московского центра Дианетики и др. Они-то и собирали вокруг себя толпы слушателей, жаждавших приобщиться "новой духовности". После этого становится понятным, откуда появляется у наших соотечественников совершенно искаженное понимание духовной жизни.

Марина Мартынова, выпускница журфака Санкт-Петербургского университета

От редакции: Справедливости ради следует заметить, что с 27 декабря по 5 января проходила православная выставка-ярмарка "Рождественский дар", значительная часть которой отодвинула православия и отодвинула. В ней приняли участие и "Татьянин День".

В редакцию "ТД" пришло письмо руководителя программы "Реставрос" Константина Козлова.

Уважаемая редакция!

Всецерковное Православное Молодежное движение под председательством Высокопреосвященного Александра, архиепископа Костромского и Галицкого, проводит различные программы, среди которых основная — Программа восстановления храмов "Реставрос". <...>

Количество просьб о помощи значительно больше того, что мы можем сделать. Мы очень нуждаемся в увеличении числа добровольцев, а для этого необходимо проинформировать о нашей работе как можно большее количество людей. Мы уверены, что еще очень многие откликнутся и придут на помощь — дело за информацией!

Именно в этом вопросе мы и просим вашего содействия. Мы могли бы регулярно давать информацию о нашей работе — работа в Москве, выезды, летние смены... Кроме того, в рамках программы "Реставрос" проводятся разнообразные циклы лекций-семинаров, экскурсий — по Москве и более дальних. Все это — бесплатно <...>

Многие из активистов программы — люди с историческим, богословским, искусствоведческим образованием, пишущие на самые разные темы. Они могли бы стать корреспондентами вашего издания.

Мы надеемся, что нас заинтересовали наши предложения и очень рассчитываем на вашу помощь...

После этого мы встретились с руководителем Программы К. Козловым и договорились о совместной деятельности. Теперь в каждом номере "Татьяного Дня" будет страница, посвященная "Реставрос".

ПРОГРАММА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХРАМОВ "РЕСТАВРОСЬ"

Мы приглашаем вас принять участие в работах по реставрации двух московских храмов, возрождаемых из небытия. Первый из них — храм апостола Иакова в Казенной слободе. Созданный в XVII веке, он был коренным образом перестроен в начале прошлого века в стиле классицизма, а в советское время осквернен и поврежден. Уже больше года идет реставрация, но работы хватит еще надолго и очень нужны наши руки! Работы здесь ведутся по вторникам и четвергам с 18 часов. После работы — чаепитие, задушевные беседы, планы на будущее. Пройти сюда можно всего за две минуты от метро "Курская" — перейти Саловое Кольцо и по Жвокалопостольскому переулку до храма (№6). По вторникам вас встретит Владимир Романов, а по четвергам — ваш покорный слуга.

По той же схеме (но только по пятницам) проходит работы на храме Воздвижения на Чистом Вражке. Этот храм также построен в XVII веке, а перестроен и расширен в середине XIX века. В историю отечественной культуры Воздвиженский храм вошел тем, что в его стенах венчался А.П. Чехов с О.Л. Книппер. Этому храму-памятнику тоже досталось в последние десятилетия — здесь был цех фурнитуры. Сейчас рушатся перегородки и пристройки, храм постепенно обретает свой изначальный облик. Путь до храма займет минут 10-15: от метро "Смоленская" обратное-Покровской линии по ул. Плющиха (по ее правой стороне) пройти до развилки с 1-м Тружниковым переулку. Здесь на развилке, над спуском к Москве-реке и стоит храм.

На выходные дни мы приглашаем вас в рабочие выезды — на храмы и монастыри Подмосковья.

Точные даты вы можете узнать на наших будничных работах, лекциях и экскурсиях (об этом чуть ниже) или по понедельникам и средам с 13 до 19 часов в помещении Программы "Реставрос" на Крутицком подворье — Крутицкая ул., 13(1), второй этаж, телефон 276-21-54. Здесь же в указанное время можно получить любую информацию по программе, записаться в многодневные поездки. Пройти сюда несложно от метро "Пролетарская".

Итак, куда же отправятся наши группы? Во-первых, это Коломна, город-памятник, где мы работаем с 1989 года. Коломна — это Кремль XVI века, 4 монастыря, основанные в XIV-XVI века и множество храмов, в том числе XIV века! Сюда мы обычно выезжаем на два дня, с вечера пятницы. Живем в Кремле, в палатах XVII века, а работаем в Старо-Голутвином монастыре у слияния Москвы-реки с Окой.

Также на два дня обычно мы выезжаем в село Клубуково в районе Софрино. Селью нашей помощи жлет Спасский храм. По-разному, на 1 или 2 дня, мы выезжаем в Черниговский скит Троице-Сергиевой лавры. Здесь вы сможете познакомиться и с другими лаврскими скитами: Феодимания, Параклит, Боголюбская Киновия, а также с пещерным храмом! Однодневные поездки ходят в село Ерино под Подольском (с осмотрам знаменитого белокаменного храма в стиле Ренессанс в усадьбе Дубровицы) в малозвестный монастырь Подмосковья — "Отрада и Утешение", в Зосимо-Савватиевскую Соловецкую

Краснохолмскую Марчуговскую пустынь с ансамблем прекрасных храмов XVII века и многие другие места. Конечно, после работ вас ждут экскурсии по тем местам, где мы работаем, и по окрестностям. А весной мы предлагаем вам и пешие походы-экскурсии по достопримечательностям Подмосковья.

ПРОВОДИМ мы и отдельные двухдневные экскурсионные поездки. В них мы не предлагаем большого комфорта, зато и стоимость минимальная, платим только за свой проезд, жилье бесплатное, провизия — с собой. Следующая такая экскурсия пройдет 7—9 марта по древним русским городам-крепостям Ивангород и Капорье.

Рабочие же смены в течение года длится по 6—7 дней. На эту зиму мы предлагаем вам отправиться с нами в скит "Феофания" в Киеве и в Марфо-Мариинский монастырь под Белгородом. Здесь вас ждет разный призем, отличное питание и, конечно, обширная экскурсионная программа. Вы увидите места, куда обычных туристов и на пешенный выезд не подпускают. Например, в Киеве — все знают лаврские пещерах, а кто знает о пещерах Китаевой пустыни, или кто слышал о Голосеевской пустыни? Сам же скит "Феофания" расположен в живописном лесопарковом массиве: дубы, грецкий орех, граб, пруды, святые источники... А под Белгородом — видели вы когда-нибудь белокаменные горы из чистого мела, покрытые вековыми дубравами? Белогорье! Кстати, здесь, в Марфо-Маринском монастыре оплатить придется проезд лишь в одну сторону, обратно — за счет монастыря! Ну и о расписании поездок:

"Феофания": 26 янв.-1 февр., 2-8 февр., 2-8 марта.

Марфо-Маринский монастырь: 26 янв.-1 февр., 2-8 февр.

РЕГУЛЯРНО, через среду, два раза в месяц, приглашаем на вечерние прогулки-экскурсии по Москве. С февраля начинается новый цикл "Лучи от Кремля" — радиальные улицы. Наперед следующие циклы: "Московские слободы", и "Монастыри и чудотворные иконы первопрестольной". Начало экскурсий в 19 часов и рассчитаны они на два часа.

Также будем рады видеть вас на лекциях, проходящих по понедельникам на Крутицком Подворье в здании №6. Лекции строятся по принципу собеседования — собственно лекция, а затем вопросы, обмен мнениями по теме. Лекции и экскурсии по Москве бесплатные. Дополнительную информацию можно получить у руководителя экскурсионно-просветительского сектора Программы Ирины Тумановой по тел. 384-49-89.

Вот и все на первый раз. Приходите — поговорим подробнее.

Руководитель Программы
"Реставрось" ВПМД
Константин Козлов

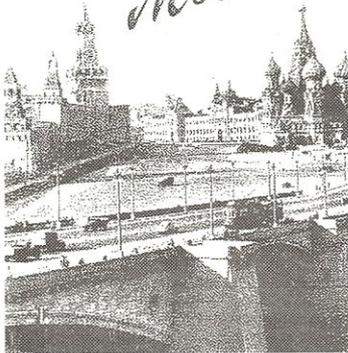
А. Ч. Козаржевский

ЗВУКОВОЙ ФОН МОСКВЫ 20-Х — 30-Х ГОДОВ

(отрывок из книги)

А. Ч. Козаржевский

*Звук
Москвы*

МЫ воспринимаем окружающий нас мир, в том числе и родное место, в данном случае Москву, всеми своими чувствами. Можно говорить о специфическом колорите города, о его запахах, даже об осязаемой поверхности строений (вспомним пористый туф как основной строительный материал в Ереване), и, конечно же, как у каждого города, жизнь Москвы имеет и свой звуковой фон. Состав этого фона определяется как естественным, подчас техническими, так и специальными факторами, поэтому он, хотя и медленно и незаметно, если на нем специально не фиксировать внимания, меняется.

В 20-е годы уноса из того, что было до революции, продолжало как бы по инерции существовать. Так, в моей старомосковской семье меня учили грамоте по чудесным гимназическим книгам. До сих пор помню стихотворение Майкова:

“Весна, растворяется первая рама,
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа и стук колеса...”

Здесь поэтично и точно названы звуки города.

Ушли в прошлое многие звуки былой Москвы. Бывало, мальчишки-продавцы выкрикивали названия газет и журналов; гнусаво тонули “старые берём” или просто нечленораздельное “рём” старьевщики в засаленных халатах, пылотеях или фетровых шляпах с мешком за плечами. Пронзительно, причем на какой-то постоянный мотив выпевали мастера: “Точить ножи-ножницы, бритвы править, керосинки исправлять”, “чинить матрасы и диваны”, “стёкла вставлять стёкла”. По дворам ходили шарманщики с полугаем, вынимавшем какие-то пакетики с сюрпризами или предсказаниями. Шарманка издавала шемшище жалобные мелодии. Иногда шарманщику сопутствовала жалкого вида молодящаяся певица, исполнявшая чувственные романсы. А то можно было услышать и скрипку. По арбатским переулкам ходил бродячий скрипач, весьма горделивый, бравший только серебряные, а отнюдь не медные монеты.

В том месте, где я жил, главные впечатления от колокольного звона связаны с храмом Христа Спасителя и церковью Ильи Обыденного. Звук большого колокола

храма Христа Спасителя был непередаваемо красив. Обычно я слушал его в одном из живописных скверов, окружавших храм. Но к впечатлению красоты звона примешивалась шемшищая грусть от сознания того, что храм по существу поруган, что его посещает жалкая горстка народа, что внутри со стен его каплет вода и образует на мраморном полу огромные лужи, что с 1922 года при содействии советского правительства к великой радости Емельяна Ярославского (Губельмана) и его Союза воинствующих безбожников там хозяйничают обновленцы во главе с пресловутым псевдомитрополитом А. Введенским, проходимицы и доносчики (а значит, убийцы), а не достойные духовные пастыри, как святитель патриарх Тихон; ставший новомучеником протопресвитер Александр Хотовицкий и многие другие.

Помню, однажды я, будучи 6 лет, из-за болезни не мог пойти в церковь на службу 12 Евангелий, а все уши. Я не зажигал свет в комнате: мне нравилось, что свет газового фонаря под моим окном, проникая через тюлевые занавески, образует на потолке красивые фантастические узоры. Вдруг раздался треск — это вскрылась Москва-река, и льдины, громоздясь друг на друга, разбивались о быки Старого Каменного моста. В это время гулко ударил колокол храма Христа Спасителя. Это значит — прочли 1-е Евангелие, а дальше — по мере чтения — удары умножались вплоть до двенадцатого и всё кончалось перезвоном. Поскольку звон отмечал не только начало службы, но и ее этапы, то люди, которые по той или иной причине не могли быть в храме, знали: вот там сейчас поют “Верую”, а вот запели “Достойно”; верующие крестились, а некоторые — особенно дома — творили соответствующую молитву. <...>

С товарищами по играм я по нескончаемым лестницам поднимался на крышу храма Христа Спасителя, обходил все четыре колокольни, любуясь видами Москвы, особенно Замоскворечья, пытался качнуть язык большого колокола, суставами пальцев стучал по краю колокола, ловя слабый-слабый звук, читал надписи на нем, разглядывал барельефные изображения царей; стоять под колоколом было жутковато: а вдруг упадет?..

“Этo всегда был святой день”

Принято считать, что Московский университет — это особый мир, imperium in imperio (государство в государстве). Жителям этого государства, видящим МГУ изнутри, присуща именно эта точка зрения. Как же на мир студенчества смотрят

люди, чьи студенческие годы прошли в других институтах? Чтобы выснить это, мы, вопреки обыкновению, задали одни и те же вопросы совершенно разным людям: как связанным с МГУ, так и не имеющим к нему прямого отношения.

1. Какой ВУЗ Вы заканчивали?

Мария Седых, 49 лет, театровед: “ГИТИС, театроведческий факультет”.

Леонид Меерович, 57 лет, фармаколог: “Московский институт тонкой химической технологии имени М.В.Ломоносова”.

Александр Лапшин, 47 лет, сценарист: “ВГИК, сценарный факультет”.

Владимир Жирновский, 51 год, выпускник МГУ: “Институт стран Азии и Африки, юридический факультет Университета”.

Дмитрий Кривенко, 18 лет, студент ВУЗа при ФСБ.

Ольга Шипова, 17 лет, слушатель Школы юного журналиста при журнале МГУ.

2. Что Вы умеете об интеллектуальном уровне современного студента?

Театровед: “Я знаю, что из ВУЗов уходят хорошие, сильные преподаватели. Умные деловые люди вынуждены волей-неволей искать более оплачиваемую работу и на их место вряд ли придут стоящие люди. Соответственно вряд ли поднимется уровень знаний студентов”.

Фармаколог: “Сейчас студенты знают больше, но менее глубоко. У них появилась возможность жить интересной жизнью, которую они используют не по назначению. Вместо того, чтобы продуктивно работать, они активно отдыхают”.

Выпускник МГУ: “К сожалению, многое ухудшилось! Грязь какая-то, бутылки от алкоголя валяются, сами студенты не стремятся к знаниям, что-то приспособленческое такое. Московский университет это была гордость, лучший ВУЗ Советского Союза! Но все было опрятными, стремились к чему-то. Преподаватели — строгие, зарплата у них нормальная, у нас стипендия — регуляторная, общежития — дешёвые. Так что жили как-то нормально: несмотря на маленькую стипендию, студент не голодал, не бедствовал”.

Юная журналистка: “Уровень образованности зависит, как мне кажется, от отношения к образованию и от самообразования. А мы, к сожалению, не уделяем должного внимания ни тому, ни другому”.

3. Еще каких-нибудь пять-шесть лет назад отношения студент-церковь не существовали вовсе. Сейчас же при МГУ существует своя домовая церковь святой мученицы Татианы. Как Вы к этому относитесь?

Театровед: “Вера стала открыта, доступна. Это, с одной стороны, привело к тому, что сын моей знакомой например, устав от многолетней серой жизни, стал религиозным фанатиком, бросил институт, ушел из дому. С другой стороны, если бы при его ВУЗе была церковь, возможно, его вера не дошла бы до крайности. Я считаю, что наличие при Университете храма святой Татианы — это только в помощь”.

Сценарист: “Я первый раз пошел в храм в 47 лет и точно знаю, что начала произрастать другая жизнь”.

Выпускник МГУ: “Это хорошо, намного полезнее, чем это безумное почитание рока, жвачки; это сближает людей. Понятие религиозности связано для меня с Россией, Родиной. Основа духовности, культуры, знаний о стране — все связано с нашей Церковью, с нашими обрядами. Я всю жизнь жил рядом с храмами, так что связан был с церковью всегда и отставал ее интересы”.

Юная журналистка: “Это здорово. Кроме того, я слышала, что священнослужители храма — бывшие филологи и журналисты, т.е. гуманитарии, а, значит, люди, для которых духовность должна стоять на первом месте”.

4. Что Вы можете сказать о духовной жизни студентов в условиях заметного распространения новых религиозных течений?

Театровед: “Сейчас в Россию пришло много религиозных и “голодная” молодежь их расхватывает, — во-первых, модно, во-вторых, не менее увлекательно, чем древние религии”.

Фармаколог: “Духовность это не синоним религиозности, а ее составная часть для верующих людей. Сейчас заговорили о программе правительства по восстановлению храмов. Но у нас Церковь отделена от государства, поэтому таких программ не может быть”.

Сценарист: “Среди студентов в глаза бросаются “понты”. Нет худа без добра — и в среде молодежи произрастает какая-то другая жизнь”.

Выпускник МГУ: “Распространение сект может нарушить православное сознание. Если бы не было разрушения Православной Церкви в советский период, если бы на равных условиях, — то пускай будут и они. Но сейчас условия не равны: Русская Православная Церковь только поднимается, а все секты с большими деньгами захватывают позиции на телевидении, показывают проповеди, а наши заплапать не могут. Нужно дать возможность высказаться в первую очередь нашей Церкви, раз уж большинство населения считает себя православными. И в лесу есть всякого рода мелкие растения, и они не мешают, — но при этом стоит мощный лес”.

Студент: “Это (духовность) только мешает учебному процессу”.

5. Что для Вас праздник Татьянин день?

Фармаколог: “Традиционно — день студента. А для меня это, прежде всего, — именины моей жены”.

Сценарист: “Это просто святой день”.

Студент: “Это вроде бы день студента. У нас обычно бывает большая пьянка, а я поздравляю девушек с именем Татьяна”.

Юная журналистка: “Для меня это замечательный семейный праздник. В этот день происходит объединение очень большой семьи студентов. Здесь хорошо вспомнить усадьбу Садовнического, вышедший в прошлом году на День Татьяны в ГЗ МГУ, где говорилось, что студенту в этот день полагается пить пиво. Ну разве в

какой-нибудь другой праздник ректор такое напишет?!"

После этого мы обратились к ректору Университета В.А. Садовничему.

Взгляд ректора

— Виктор Антонович, чем для Вас является День Татьяны, День студента?

— Я рад, что Московский университет возродил этот праздник. Для нас Татьянин День — это прежде всего день рождения! Наверное, мало кто знает, что даже в те годы, когда в Советском Союзе Татьянин день не принято было праздновать, его отмечали за рубежом. И всегда это был святой день для любого выпускника МГУ. И вот, наконец, мы восстановили этот святой праздник — и Московского университета, и теперь уже всего российского студенчества.

— Что бы Вы пожелали "Татьянинскому Дню" — студенческой православной газете МГУ?

— Прежде всего, освещать духовную жизнь студентов, преподавателей, их интересы и проблемы и, конечно же, становление Университетского храма святой Татьяны и жизнь православной общины МГУ. Ведь возрождение Университетской церкви — наша общая забота: Татьянин день мы должны встречать в нашем домовом храме. А студентов я призываю не терять интерес к знаниям и стремиться учиться на отлично!

Подготовила Елена Холодова, студентка журфака МГУ

НАШИ ВЫПУСКНИКИ

Мы беседуем с профессором Института механики при МГУ Григорием Александровичем Любимовым.

— Григорий Александрович, Вы входите в Ученый совет Университета и, наверное, лучше нас представляете, как обстоят дела в МГУ. Как Вы оцениваете современное состояние Университета?

— Современное состояние Университета, по-видимому, лучше, чем состояние других ВУЗов, и во многом благодаря деятельности ректора Виктора Антоновича Садовничего. Но хотя в тяжелые годы в Университете в какой-то мере удалось сохранить преподавательские и научные кадры и не разрушить преемственность в образовании, все же мне кажется, что за этим стремлением мы забыли о методической стороне дела. На факультетах мало внимания уделяется тому, чему сейчас учат профессора и преподаватели наших студентов.

— А сам уровень преподавателей и студентов, как Вам кажется, вырос?

— Мне трудно сказать, потому что я сам ведь не участвую сейчас в педагогическом процессе. Но я вижу, как ученые работают со студентами, которые уже сами ведут научную работу. И мне кажется, что понизился интерес к научной работе. Это есть результат падения престижа науки в глазах общества по отношению к другим сферам деятельности, что очень прискорбно. Ведь, на самом деле, наука есть основа государства, и любое государство, если оно хочет быть независимым, должно поддерживать развитие науки. К сожалению, наше сегодняшнее государство пока свое отношение к науке в положительном смысле не выразило. А поскольку научная работа теряет престиж, постольку теряет престиж и получение высшего образования. Если эта линия будет торжествовать, то приведет к тому, что в нашей стране образованных людей станет меньше. И трудно будет удержаться на тех позициях, на которых страна была до начала перестройки.

— Григорий Александрович, Вы принимали активное участие в возрождении домового храма Университета. Довольны ли Вы современными

отношениями между Университетом и Университетским храмом?

— Трудно сказать. Ясно только, что эти отношения не трагические. Университет не мешает церковной деятельности, но, как мне кажется, пока довольно слабо помогает. Видимо, руководство Университета не считает, что храм — это часть Университета. Эта неправильная точка зрения, потому что на самом деле образование состоит не только из тех предметов, которыми студентов обучают на факультете. В Университете студент должен приобрести правильную жизненную позицию и общественное мировоззрение, вполне определенные моральные устои, а это невозможно без Православной Церкви.

— А что для Вас значит праздник Татьянин день?

— Ну, это праздник студенческий и университетский. Ведь у нас есть День учителя, День Военно-Морского флота, а это День студенчества. Отрадно, что студенческий праздник совмещен с церковным праздником прославления святой мученицы Татьяны. Именно поэтому святая мученица Татьяна оберегает, охраняет и поддерживает студенчество. И то, что в наше время праздник начинается с Божественной Литургии, которую служит Патриарх в Успенском соборе Кремля, очень показательно. Это возрождение замечательной старой традиции.

— Последний вопрос связан с нашей газетой "Татьянин День". Нам бы хотелось услышать, что Вам в ней не нравится и что Вы хотели бы в ней увидеть.

— Мне трудно сказать, что мне не нравится. По-моему, самое главное, что газета интересная. Я ее читаю от первой до последней страницы и нахожу вещи, которых не знал раньше. Вижу определенную твердость редколлегии в отстаивании основ Православия в борьбе с разными сектантами, что сейчас очень важно, особенно в студенческой среде. Я желаю Вашей газете всяческих успехов.

Беседовал Иван Гачев

Ольга Седакова

ПОБЕГ В ПУСТЫНЮ

*Потусторонний звук? Но то шуршит песок,**Пустыни талисман, в моих часах песочных.*

Иосиф Бродский. "Письмо в оазис", 1993

(Семинар по поэтике. Ноябрь 1996.)

Из множества тем, которые вызывает обращение к имени Иосифа Александровича Бродского, мне хочется остановиться на этой: Бродский в отечественной словесности. Я предпочитаю этот эпитет: отечественная, а не российская, потому что словесность, в которой Бродский начинал, с полным основанием называлась советской, а не российской. Переводные Расул Гамзатов или Эдуардс Межелайтис входили в ту же поэтическую общность, что, скажем, и оригинальная Юлия Друнина. Естественно, в этой большой школе различались более и менее официозные, более и менее модернистские или консервативные движения, но для аутсайдера (а сама позиция радикального отщепенства — не столько политического, как этического и эстетического — возникла вместе с Бродским и благодаря ему), со стороны все это выглядело достаточно однородным: подцензурным. Чтобы увидеть все это таким, несободным в самой своей глубине, нужно было иметь образец для сравнения. Молодой, совсем молодой Бродский дал нам такой образец. В первых же стихах, в обход Гуттенбергу разошедшихся в списках по всей стране, — в "Рождественском романсе" — явилось ошеломительное присутствие почти забытых вещей: вдохновения, которому совершенно ни к чему "талон на место у колонн", личного достоинства автора, независимости и чести поэта как частного лица. Стало очевидно: такая свобода — минимальное условие творчества, без которого все остальное не много значит. Артистическая одаренность, яркость образов, звуковое воображение, темперамент (в чем, быть может, иные из ровесников Бродского превосходили его) — все это оказалось не тем путем, которым приходит к поэтическому, серьез в вдохновенному и вдохновляющему слову. В арабском или вавилонском плену такое слово не звучит.

Волхвы не боятся могучих владык

И княжеский дар им не нужен...

Пушкинский императив личной свободы — вот что напомнил молодой Бродский читателю, который уже отвык ждать такого от своих современников ("старика" — поэзия Ахматовой, Арс. Тарковского — это еще объяснимо: но поэт комсомольского возраста!). Независимость интонации и музыки раннего Бродского была при этом спокойной и уверенной; в ней не было ни вызова, ни задора, ни провокации. Это была уверенность, которую нельзя имитировать, уверенность не в себе и не от себя, та самая простота, с какой Ахматова говорила: "Какая есть. Желая вам другую." — Уверенность избранника. Чем за такое платят, мы увидели по тому, что произошло дальше.

Но объявить независимость от служилой государственной литературы, признать себя послушным только голосу языка (или Музы — которая, по Бродскому, не более чем псевдоним языка) не было бы еще решением дела. Многие ровесники, младшие и старшие современники Бродского будут утверждать, что и они всегда были "вне-советскими", и им доставалось от искусствоведов в штатском, и они писали только "от себя лично" с риском для карьеры. Дело было в том, чтобы поставить под вопрос это "от себя" и это "писать". Бродский проделал большую работу осознания, рефлексии того положения вещей, какое сложилось в тогланней словесности. Первый и самый заметный шаг, который он сделал, — это выход за пределы русскоязычной традиции, к опыту польской и английской поэзии. Это влекло за собой и более переосмысление отношений аналитического и стихийного начал в стихосложении. Советская поэзия ненавидела аналитизм: его бранили "салеррианством"; гармонию поверять алгеброй почиталось кощунством. В своей неофициозной, практической версии советская поэзия — как и советское искусство вообще — представляло собой, в сущности, эпигонский романтизм. Так что страх перед всем "сухим, отвлеченным, теоретическим", неприязнь к формальной и содержательной сознательности были для него вполне органичны. Бродский выжигал в себе вслэчский романтизм, вслэкую sentimentalность и мелодраматичность каленым железом.

Холод и дистанция — эти навыки хотел он привить русскому стиху. И в этом, конечно, рассуждаящий, отстраненный и слегка ироничский даже в своих самых умозрительных образах этос английского стиха был ему очень кстати.

Я заговорила уже не о советском, а о русском стихе, как вы заметили, — и не случайно. Потому что в этом — в усвоении дистанцированного, охлажденного отношения к собственной речи — Бродский пересматривал уже не ближайшую инерцию словесности, но, вероятно, одно из фундаментальных качеств русской поэзии. Можно назвать это свойство стремлением к имманентности смысла художественному целому, к максимальной воплощенности предмета речи.

Слева в профиль — О. Седакова, справа — И. Бродский

Русские классические поэты (в отличие от советских, которые прозой говорить не умели, тем более филологической прозой) не чурались аналитического начала: блестящая критика пушкинской эпохи и еще более обширная эссеистика поэтов серебряного века — тому примеры. Но в самый стих эта “прозаическая” разумность каким-то образом не проникала: перед стихотворной речью стоял как бы некоторый фильтр. В русском стихе господствует словосочетание. Это же может быть в стихе, спросите вы? Вот что:

Sei das Wort die Braut genannt
 Brautigam der Geist
 Diese Hochzeit wissen kann
 Wen den Hafis Priest.

(“Пусть слово зовется невестой, / Женихом — дух; / Эту свадьбу знает тот, / Кто восхищается Гафизом”). Это гетевское четверостишие, в котором “дух” означает более всего умственное, дистанцирующее начало, описывает довольно общее свойство европейской поэзии нового времени. В русском стихе тот же образ брака, свадьбы относят к сочетанию слова со словом:

И дышит таинственности брака
 В простом сочетании слов.
 (О.Мандельштам)
 Быть словам женихом и невестой!
 Это я говорю и смеюсь.

Как священник в глуши деревенской,
 Я венчаю их тайный союз.
 (Б.Ахмадулина)

Нужно ли перебирать следствия двух этих разных родов смыслостроения, сочетания “ума” со “словом” — и “слова” со “словом”?

Мне кажется, что своего рода семантическую беспечность русской поэзии можно связать с опытом многовекового общения с церковнославянским языком, с привычкой воспринимать вносящее, а не сообщающее слово (известно, что литургические и молитвенные тексты часто остаются рационально непонятными даже для тех, кто знает их наизусть), воспринимать — в этимологическом смысле глагола — без попытки “перевести” эти словосочетания на обыденный русский язык. Но эта гипотеза требует отдельного и долгого разговора.

Бродский явно отказывается от “священной невяжичьи” поэтической речи; его изменение от ранних стихов к поздним можно описать как последовательное движение от словосочетания, которое несет музыкальный импульс, к соединению ума и слова, к называнию афоризмов и дефиниций.

В русской словесности был период, когда возникла такая же необходимость в дистанцированном, рационально проясненном и отстраненно называющем свой предмет слове. Тогда его называли “метафизическим языком”. В переписке Вяземского, Баратынского, Пушкина необходимость выработки “метафизического языка” обуславливается в связи с переводом романа “Адульфер” Б.Констана. Что, собственно, имелось в виду под “метафизическим языком”? Это выражение, заимствованное у Мадам де Сталь, применялось к описаниям определенного рода психологии: сложной и слабой психологии

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
 Только с горем я чувствую солидарность.
 Но пока мне рот не забил глиной
 Из него раздаваться будет лишь благодарность.

И.Бродский

26 января исполняется год со дня
 смерти Иосифа Бродского

“современного человека”. Чтобы различить и прояснить изгибы этих противоречивых переживаний, требовалось отстраниться от собственной психической жизни, стать “наблюдателем” своих чувств. Точность и холодность таких “наблюдений” ценилась весьма высоко. И поэтическим явлением этот метафизический язык стал в лирике Баратынского. Речь шла, в сущности, о чем-то большем, чем язык: сама поэзия Баратынского-лирика — метафизическая (в обсуждавшемся выше смысле) поэзия, отстраненно фиксирующая причины и следствия, антитезы и совмещения, “вид” вещи и “суть”. И, конечно, не случайно Бродский демонстративно предпочитал Баратынского непосредственному и динамичному Пушкину: чистоту присутствию в словах, “глуповатой” поэзии. Другой любимейший русский автор Бродского — Марина Цветаева — другим способом, но тоже несомненно отстраняет имманентность смысла слову.

Мы можем заметить, что Бродский еще усилил отстраненность “метафизической” поэзии Баратынского: он дистанцируется не только от собственной психологической — но и от телесной данности (известные снижающие автопортреты). Но, как и в первой трети прошлого века, речь вновь идет о “современном” человеке, о какой-то новой опустошенности в “конце прекрасной эпохи”. Выход, предложенный Бродским, — выход в пустыню (ср. “Остановка в пустыне”), в ту “бесплодную землю” современности, которую открыли его европейские учителя, Элиот и Оден. Бродский выступает как суровый моралист: пустыня лучше, чем фата-морганы лирических садов, оазисов.

Интересно, что Бродский, реформатор отечественной словесности, на фоне актуальной европейской поэзии выглядит как чрезвычайно консервативный автор (еще более консервативным он часто становится в переводах, выравнивающих его стилистику, просеивающих вульгаризмы его языка). Он представляет своего рода парнасцем, поздним классиком (античные мотивы, культурофилия, традиционные жанры и формы, дисциплина версификации и под.), образом настоящего поэта, на который указывают культурные политики, призывающие теперь Back to Basics. Левые поэты Запада относят Бродского к истеблишменту. И самым консервативным элементом его творчества оказывается дискурс: неразрушенная рациональная и синтаксическая структура речи. Такой, вразумительный язык относится к допороговому миру: а то, что более всего лирично в новейшей поэзии, изображает заповорный мир, некое измененное состояние сознания, некий транс, выраженный асинтаксичностью, разрушением линейной горизонтальности смысла. Образец такого рода поэзии на русском

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА

Январские тезисы

Проблема православного отношения к культуре стоит в современном мире очень остро. Предлагаемые тезисы не являются окончательным и бесспорным решением этого вопроса, и мы публикуем их для обсуждения, а не для обязательного усвоения. Тезисы были составлены священником Максимом Козловым, настоятелем Университетской церкви, и Михаилом Дунаевым, преподавателем Московской Духовной Академии.

1. Православие отвергает две крайности по отношению к культуре. Оно не приемлет культурного минимализма, то есть умаления роли культуры в жизни православного народа. Но оно также не допускает и культурного максимализма, абсолютизации культуры, превращения ее в самодовлеющую ценность.

2. Православие декларирует генетическую зависимость культуры от жизни. Всякая культура имеет религиозную основу. Поскольку любая культура представляет из себя систему жизненных ценностей человека и общества, а ценности определяются пониманием смысла жизни, места человека в мире, и, в конечном итоге, верою, то подобная зависимость очевидна.

3. В мировоззрении церковного человека культура не может быть конечной целью и высшей ценностью, поскольку земной мир не вечен, и в то же время культура является необходимым этапом в духовном развитии человека, но лишь в той степени, в какой она опирается на христианскую веру.

4. Исторически известные и утвердившиеся типы культур восходят к крупнейшим мировым религиям. Фундаментом христианской культуры является Божественное Откровение, запечатленное в Священном Писании.

5. Не меньшее значение в формировании христианской культуры Православие придает Священному Преданию в его литургическом, учительном и каноническом аспектах, а также святоотеческой мудрости.

6. Православие с уважением относится к нехристианским культурам, исторически неоднократно ассимилировало их достижения, прямо не связанные с вероучительными моментами и духовно-молитвенной практикой.

7. Исходя из того, что Православие проходит свое историческое бытие как общество Поместных Автокефальных Церквей, оно постулирует непреходящую значимость национального своеобразия культуры каждого народа.

8. Признавая как объективную реальность возникающие время от времени и в разных странах кризисы культурного развития, Православие видит выход из создавшегося положения прежде всего в укреплении веры, религиозных устоев народа, а не в исправлении периферийных повреждений в культуре.

9. Православие оценивает состояние культуры по нравственному состоянию человека, а не по матери-

альным проявлениям этой культуры, ее внешнему блеску.

10. Исповедуя, что дух христианской культуры есть дух любви, Православие видит высшее достижение культуры в установлении соборного единства людей, на любви основанного. Это соборное единство — единство многообразия, которое не допускает нивелирования личности, но, напротив, содействует ее укреплению и развитию.

11. В православной культуре антиномически сочетаются дух внутренней свободы человека, не понимаемой при этом как произвол, и дух послушания авторитету Церкви (без слепого следования канону), протекающего из свободного духовного устремления человека.

12. Православие отвергает гуманистическое превознесение человека как меры всех вещей и утверждает непреходящую ценность личности в том, что человек сотворен по образу и подобию Божию.

13. Культура, с точки зрения православного мировоззрения, есть живая, развивающаяся система, а не застывшая форма. И поэтому формализация и механизация культуры — противоречит христианскому духу и свидетельствуют о ее вырождении.

14. Прогресс культуры сознается Православием не как количественное умножение ее внешних материальных форм, но с точки зрения соответствия культуры ее служению единому на потребу, спасению души человека.

языке — Геннадий Айги, самый популярный ныне поэт в Европе. Более всего асинтаксичность ударяет по глаголу. Глагол практически исчезает. И это естественно: глагольная семантика, увязывающая высказывание с лицом, временем, характером действия говорит о хорошо координирующемся в реальности, здоровом сознании. Конечно, и синтаксис Бродского не так прост и ярок, и его фразы как бы сносят по касательной. Но в целом на фоне рухнувшей грамматики — и, тем более, логики — его речь выглядит до странности правильной. Можно сказать, что региональный консерватизм Бродского возвращает европейской традиции ее саму — в уже забытой ей стадии.

Обработавшая материал семинара по Бродскому для газеты "Татьянин День", я понимаю, что православному читателю хотелось бы, вероятно, увидеть Бродского в

другом ракурсе; вероятно, он ждет размышлений о мировоззрении поэта, о религиозной отнесенности того, что сообщают нам эти стихи, песни, проза... Но именно тем такого рода мне хотелось бы избежать. Я вспоминаю одно из позднейших, горьких стихов Бродского, посвященных его другу поэту, относительно благополучно перенесшему советские годы в "оазисе" неразрушенной традиционности и обсуждающему теперь недостатки словаря собрата:

Не надо обо мне. Не надо ни о ком.
Забьются о себе...

Тому, кто не бежал из Египта, не к лицу обсуждать, далеко ли зашел Бродский в своей пустыни и в том ли направлении он двигался. Перед лицом его огромного и бескомпромиссного труда освобождения российского стихотворства и частного человека, нам в самом деле остается позаботиться о себе...

КНИГА “ПЛАЧ ИЕРЕМИИ”, СТАВШАЯ МИСТЕРИЕЙ

Белое на белом. Так можно было бы определить цветотовую палитру спектакля “Плач Иеремии”, поставленного режиссером Анатолием Васильевым в его театре “Школа драматического искусства”. Спектакль, который стал, по общему признанию, лучшей премьерой театрального сезона. Спектакля уникально, ибо родился он как пространственно-пластическая версия грандиозного музыкального опуса композитора Владимира Мартынова “Плач Иеремии”, законченного в 1993 году и впервые прозвучавшего целиком тогда же на “Декабрьских вечерах” в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

ПОСТАВИТЬ спектакль по музыкальному произведению, предназначенному для самостоятельной исполнительской жизни, — задача, требующая от режиссера не только смелости и не только музыкальности, но способности мыслить музыкальными категориями. А это особый дар, которым отмечены художественные личности исключительного масштаба. У Анатолия Васильева трудность задачи усугубилась тем, что он обратился к сложнейшей партитуре современного композитора, — партитуре, в которой изначально нет и намек на театральное, драматическое.

Владимир Мартынов — одна из самых значительных фигур в современной музыке и вообще в современной культуре. Начал он как представитель авангарда, который из-за своей радикальности на фоне признанных советских лидеров этого направления — Шнитке, Губайдулиной, Денисова — воспринимался как лидер авангарда уже нового поколения. Затем последовало увлечение фольклором, искусством западного средневековья, восточными религиями и культурами, электронной музыкой, рок-музыкой, эстетикой минимализма. Ему 50. Его сегодняшний композиторский облик определяет генеральная идея “нового канона”, “новой церковной культуры”, которую он проводит в своих музыкальных произведениях столь же последовательно, что и в своих книгах и статьях. В жанры академической музыки творчество В. Мартынова не очень вписывается. Не позволяють концептуализм, работа на стыке музыки и обряда, эксперименты с взаимодействием музыки и ритуальной среды. Его стезя — попытка вторгнуться в пласты неакадемических культур устных традиций, создать синтез фольклора и минимализма, богослужебного пения и фольклора, богослужебного пения и минимализма, культурологического “исследования в звуках” и духовной акции...

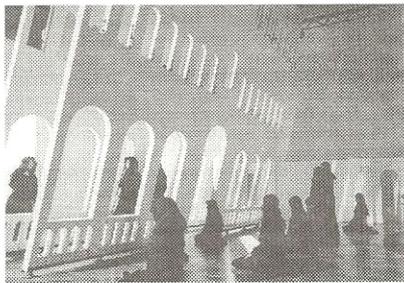
Произведения В. Мартынова мало похожи на пьесы для концертного зала. Совершение духовной акции требует особого пространства, и театр Анатолия Васильева построил такое пространство для “Плача Иеремии”. В буклете к спектаклю композитор так комментирует свой замысел: “Мир в том виде, в котором он достался нам, представляет собой руины во всех смыслах — и в экологическом, и в нравственном, и в эстетическом, и в творческом. Историческим аналогом этого состояния является разрушенный Иерусалим, оплакиваемый пророком Иеремией. Единственной реальной и конструктивной акцией в нашем мире может быть только ритуальное повторение пророческого плача, ибо лишь покаяние оплакает собственное предательство, мы можем надеяться

на то, что когда-нибудь нам удастся восстановить разрушенный нами мир”.

Жанр произведения В. Мартынова синкретичен. “Книга “Плач Иеремии”, положенная на пение” — значит на титульном листе буклета к спектаклю. В авторском комментарии промелькнуло — “акция”. Там же появилось авторское жанровое определение — “паралитургия”, то есть произведение внебогослужебное. А в глубине — изначальный плач. Итак: ПЛАЧ, КНИГА, ПАРАЛИТУРГИЯ, АКЦИЯ.

ПЛАЧ. Один из древнейших ритуалов. Ритуальные хороводы — вот обобщенная пластическая идея, на которой А. Васильев строит свой спектакль. Фигуры певчих в черных одеяниях перемещаются в замкнутом пространстве, образуя пластические формулы ритуального действия. Смысл этих формул лежит за пределами конкретной сюжетности. Он не поддается прочтению и с точки зрения музыкального ритма, если понимать под этим ритм физический. Но сакральный ритм А. Васильев прочтен очень точно. Здесь он последовал за композитором, воспроизводящим в пении хора структуру пророческого плача из Ветхого Завета.

КНИГА. Вопреки традиции написания музыки духовных жанров XVII–XX веков от Монтеверди, Баха, Моцарта до Лигети, Шнитке, Артемюва, то есть традиции эмоционально-психологической трактовки духовных текстов, Мартынов прочитывает текст в “каноническом” характере, то есть как пение по книге, что означает повторение ее священного смысла через структуру. Структура же ветхозаветного плача уникальна: каждая из пяти глав содержит 22 стиха — по числу букв еврейского алфавита, и каждый стих озаглавлен буквой-словом. Структурная идея — многократное круговращение акростиха, в который вписан алфавит, но с обновляющимися стихами. Алфавит в древней книге выражает собой миропорядок. Отсюда и у В. Мартынова — “плач по Иерусалиму как по мирозданию”. Алфавит, символ полноты мира, переведен в числовой эквивалент: в христианской символике это число 7. В каждой из пяти глав 22 стиха группируются в 3 цикла по 7 стихов плюс 1 или в 7 циклов по 3 стиха плюс 1. В звуковом эквиваленте символом полноты мира и числа 7 является семиступенная гамма. Числовые и музыкальные аналогии развернуты в “Плаче Иеремии” Мартынова как

Сцена из спектакля

конструктивный принцип. Сакрализация музыкальной структуры — это и есть канонический подход к тексту. Именно этот внутренний порядок услышан и воплощен Анатолием Васильевым в пластическом рисунке его спектакля.

ПАРАЛИТУРГИЯ. Происходит сакрализация пространства, в котором совершается мистерия. Где не все прочитывается. И не должно прочитываться. Статика, символичность каждого момента и всей структуры в целом уже сами по себе предопределяют атмосферу некоего таинственного действия. Независимо от того, воспринимает или не воспринимает слушатель его символы, напряженно неуклонно осуществляющейся структуры, сам процесс выстраивания граней мироздания воздействует на подсознательном уровне, так же, как ритуальное движение, подчиняя себе, упорядочивает пространство вокруг доющих. Ветхозаветный текст в спектакле дан в церковно-славянском переводе. Пророческая книга, которая в литургию не включается, здесь распевается наподобие литургического текста в формах древнего богослужебного пения: византийского, древнерусского, болгарского, сербского, григорианского, — пения как

бы выключенного из времени и переводящего осязаемое «сейчас» в метафизическое «всегда». В протяженных распевах, выстроенных из мельчайших ячеек, чувствуется опыт минимализма, которому в свое время В. Мартынов воздал шершую дань. Именно из опыта минимализма пришло умение строить монументальное, сродни египетской пирамиде, целое из трех слагаемых: слово, мелодическая формулы и континуальное время.

АКЦИЯ. Она имеет целью сотворить плач, а не изобразить его. Пение книги — ритуальное, оно не изображает и не выражает, как музыкальная пьеса, а приближает к тому «энергетическому потоку», который, по словам композитора, представляет собой текст древнего пророческого плача.

Концепция «Плача Иеремии» родилась под впечатлением от ансамбля «Сирин» Андрея Котова, впервые выступившего в 1989 году на фестивале православной музыки в Москве. «Сирин» резко выделился тогда среди многих хоров фольклорной манерой исполнения канонизированных православных песнопений. От этого уникального сочетания — обжигающее чувство живого реликта. Какое-то древнее, вневременное ощущение

Чуть больше года назад на презентации «Татьяниного Дня» в Московском университете было высказано предложение о создании при газете пресс-клуба для обсуждения наиболее острых проблем нашего времени. Первым опытом такого «круглого стола» явился разговор, состоявшийся в редакции минушей весной. Он был посвящен теме, вызвавшей бурную дискуссию на презентации газеты, — теме рок-музыки. Началось с того, что нам в редакцию позвонили музыканты и предложили провести концерт в пользу «Татьяниного Дня». Мы ответили, что для начала неплохо бы познакомиться...

В разговоре приняли участие музыканты, журналисты, студенты и преподаватели различных ВУЗов. Предлагаем вам небольшой отрывок из этой беседы.

Сергей Иванов (самодельный музыкант). — Мы играем песни, которые я сочинил. Нельзя сказать, что они однозначно православные, ведь это искусство...

Владислав Томачинский (аспирант МГУ). — Что представляет собой ваша группа?

С. Иванов. — Когда я пришел в Церковь, я вообще не играл года два. А потом понял, что мне это нужно, и мы начали собираться дома, репетировать. У меня уже были свои песни — они крутятся около московских ощущений, в стиле группы «Воскресенье».

РОК-МУЗЫКА: КРУГЛЫЙ СТОЛ

Один из участников разговора

В. Томачинский. — Вы творчеством занимаетесь для себя или для других?

С. Иванов. — Для себя, конечно.

В. Томачинский. — То есть проповедь не была вашей целью?

С. Иванов. — Нет, это тяжело. Мы на себя апостольских трудов не берем.

Дмитрий Яковлев (аспирант Московского Архитектурного института, музыкант). — Я когда-то в группе играл гитара, death-метал и прочую такую «предельную» музыку. Так что знаю все это изнутри: кожа, заклепки, фанаты, концерты разных страшных команд. Потом шел в на-

шем хоре (мы прихожане храма Благовещения в Петровском парке), но сейчас не пою — работы много.

Сергей Чапин (главный редактор агентства «Метафразис»). — Мне кажется, что православный человек никогда не будет равнодушен к явлениям культуры. Прежде всего потому, что культура, согласно Павлу Флоренскому, есть производное от культуры. Рок-культура, как оформившееся явление, будет привлекать наше внимание не только в силу ее распространности, но и потому, что мы переживаем за культуру, такова наша вера.

Алексей Саган (студент Литературного института). — Рок — это народная музыка. Каков народ, такая и музыка. В свое время, когда вся страна была православной, у нас и были калики пережохие, духовные стихи. Сейчас другая ситуация.

В. Томачинский. — Что мы называем роком?

С. Иванов. — Прежде всего, это революция внутри человека и вечная борьба, какое-то недовольство. И тут же находит музыка, созвучная этому настроению.

В. Томачинский. — Вы себя причисляете к року?

С. Иванов. — Может, меня причислят, но я бы сам не хотел этого.

Д. Яковлев. — Мне кажется, главное в роке как музыкальном явлении — это его доступность большому количеству людей.

реальности в живой передаче сегодня, сейчас. "Плач Иеремии" написан специально для этого, единственно в своем роде исполнителя. Так что Библиейский текст на церковно-славянском языке распевается открытыми голосами, с жесткой артикуляцией и диалектным русским произношением. Парадокс, но такое его звучание при всей условности кажется аутентичным или по крайней мере наиболее приближенным по духу к древнему тексту. Оно как нельзя более соответствует намерению выразить проблемы сегодняшнего дня.

Пространственная среда спектакля и статична, и подвижна. Как символ нависшей опасности читаются две белые, древней храмовой архитектуры стены, чуть наклоненные над полем действия. Впечатление усиливается, когда гигантская декорация накрывается до критического уровня, олицетворяя хаос и разрушение. Символом надежды воспринимаются белый ранне-византийский портик в глубине сцены, на котором уже в самом начале спектакля расположилась белоснежная стайка голубей, мирно клюющих, воркующих, испаривающихся. Акустическая среда этой сцены — треск зажигаемых свечей, голубиное гулюкание и шелест крыльев.

В.Томачинский. — Я думаю, что основной вопрос нашего разговора можно сформулировать так: насколько приемлем язык рок-музыки как явления культуры для православного человека?

Глеб Печенкин (аспирант Московской консерватории, регент Московского хора Татьянинской церкви). — Прежде, чем выяснять, что это за язык, надо обратиться к истокам — что такое музыка и для чего она существует на земле.

А.Саган. — По Мартынову...

Г.Печенкин. — Мартынов не Мартынов, а вопрос действительно стоит так. Я уже 20 лет профессионально занимаюсь музыкой и даже в какой-то мере ее создаю (я закончил консерваторию по классу композиции). В детстве и юности я не задавался вопросом, что такое музыка и для чего она нужна, а просто упивался и наслаждался ею. Впервые этот вопрос появился у меня после крещения. Спустя некоторое время я пришел на клирос, сначала просто пел, потом управлял небольшим коллективом и постепенно стал писать для богослужений. Иногда получались поразительные результаты — ведь музыка действительно существует для того, чтобы опьянить, она воздействует как алкоголь. Этому можно противопоставить пение христиан в его идеале, то, что считается традиционным для Руси. В нем мы имеем дело с интонацией слова, то есть с распеваемым словом, а не просто с соединенными музыкой и

Белое на белом. Впрочем, соотношения меняются под воздействием того, как на протяжении спектакля меняется цвет света: от холодно-сумрачного, отбрасывающего длинные тени и блики во тьму внешнею — к светозарно-золотистому, идущему отсюда и для теней не оставляющему места.

Маргарита Катунян, доцент Московской консерватории

От редакции: *Что это — искусство, желающее занять место религии, или искусство, призванное стать, по выражению Гюголя, "незримыми ступенями к христианству"? Ответить на этот вопрос однозначно едва ли возможно. Попытка изображения духовной (а не только душевной) реальности художественными средствами очень опасна, но, видимо, в современном мире необходима. В данном случае, автор постановки не противопоставляет свое творчество богослужению, что подчеркивается термином "паралитургия", хотя некоторая претензия на это ощущается. Впрочем, каждый сам может сделать окончательные выводы, посмотрев спектакль "Плач Иеремии" в "Школе драматического искусства" (Поварская, 20).*

текстом, как в вокале. В нем напев раскрывает сущность слова. Это церковное пение, тогда как любая музыка: и классическая, и рок — воздействует одинаково, в явном или завуалированном виде.

В.Томачинский. — Получается, что вся музыка, кроме богослужебной, влияет отрицательно?

Г.Печенкин. — Да, может быть, это несколько категорично. Музыка абстрактна по своей сути: один ее понимает так, другой — эдак, композитор мог думать о третьем. Я не согласен с мнением, будто существует некая музыка, которая может настроить на молитву, на созерцание — у каждого субъективное восприятие.

С.Чапнин. — Меня испугали слова, что всякая музыка пьянит. Вино в небольших дозах является лекарственным средством, и апостол Павел советует апостолу Тимофею уплотнять его понемногу из-за большого желудка. Если бы музыка была опасна для души, то ангелы бы не пели при рождении Христа "Слава в вышних Богу".

Г.Печенкин. — Мы говорим на разных языках. Правоммерно ли к пению ангелов применять термин "музыка"?

С.Чапнин. — Пение связано со словом.

Г.Печенкин. — Не всегда. Например, есть медитативное шаманское пение с закрытым ртом. Музыка, инструментальная она или нет, имеет определенные задачи — вводит человека в какое-то состояние. Бого-

службное пение имеет другое значение — "пойте разумно", как говорится в псалмах.

В.Томачинский. — Но вот Иоанн Златоуст пишет: "...музыка, пение, слово в богослужении не такая простая вещь, а сопряжение с ангельским поющим миром".

Г.Печенкин. — Надо посмотреть эти слова в их контексте. Что касается рок-музыки, могу сказать по своему опыту — когда я слушал ее в юности, то приходил в состояние расслабления.

А.Саган. — Рок — это искусство невоспитанных детей.

Д.Яковлев. — Рок-музыка является ремеслом. Для многих людей это становится смыслом жизни и путем, ведущим ко Христу.

С.Чапнин. — Но не кажется ли тебе, что у рокеров даже покупка инструментов превращается в особое действие? Это целый ритуал, который является оформлением культа. Человек будет крутить палочки каким-то особым способом, выносить барабан на сцену как некую святыню. Если этот культ развивается, и человек делается его служителем, то он начинает связывать чувство сакрального, живущее в каждом, с теми предметами, в данном случае инструментами, которые его окружают. На место Бога поставлены музыка...

Д.Яковлев. — Нет, здесь чисто профессиональный момент. Например, человек играет на скрипке советского завода и мечтает об инструменте, сделанном на заказ. Все

профессиональные музыканты играют на западных инструментах. Хотя, безусловно, в названиях фирм — Marshall, Fender Stratocaster и т.д. — присутствует некая филологичность.

С. Чапнин. — Рокеры — это среда с четким ритуалом, слэнгом. Если начать с ними говорить нашим языком, то все слова будут для них штампами. Как с рокерами беседовать о вере?

Д. Яковлев. — Нельзя говорить человеку: “Знаешь, ты должен бросить этим заниматься, рок-музыка — от сатаны”. Он скажет, что есть такие группы, а есть и другие. Я тоже, когда играл металл, считал себя христианином. Лучше выяснить, знает ли он другую музыку, например средневековую, имеющую христианские черты. Ему надо открыть и классику — тогда он будет готов к слушанию богослужебной музыки.

Г. Печенкин. — Я считаю, что на музыкальном уровне идеологии устарели. Проповедь не должна быть связана с музыкой.

Д. Яковлев. — Может быть, это верно в отношении тех, кто слушает рок, но не тех, кто его играет, — они только и говорят о музыке. С другой стороны, никакого христианского рока быть не может. При попытке его создать получается что-то дикое, этанкий протестантизм американского типа. На Западе оно к тому давно скаплилось.

Г. Печенкин. — Безусловно, поиск ведется, но надо отдавать себе отчет в том, что мы делаем. Прежде, чем что-то писать, я долго думаю, какое воздействие это окажет на слушателя.

А. Саган. — Рок — это некоторая дикость, но с другой стороны это культура одиноких людей. Рок выражает чувства одинокого человека.

С. Чапнин. — Тогда получается, что рок-музыка органически противна православию и христианству.

А. Саган. — Но ведь она и родилась в недрах языческой культуры...

Г. Печенкин. — Всякая музыка, как и речь, имеет свою интонацию. Seriously анализируя рок-музыку, я пришел к выводу, что она воплощает собой древнее церковное пение в перевернутом виде. Древнее пение (до XVII века) строилось не на какой-то музыкальной системе, а на других понятиях. Рок-музыка их перевернула и стала богослужебным пением наоборот. Это очень ошутимо.

А. Саган. — Я против разделения музыки на богоугодную и богопротивную.

Г. Печенкин. — Я могу слушать рок-музыку, но не стану ей проникаться: она будет для меня набором звуков. Если же входить в то состояние, которое она предлагает, то неизбежно придется к печальному для себя последствию.

Кирилл Фролов (журналист). — Безусловно, рок-музыка относится к “душевному человеку”. Ее надо рассматривать в контексте всей культуры — литературы, живописи и т.д. Посмотрите, к примеру, на современное кино: Пазолини, Антониони и другие — это же неоязычество, сознательный отказ от Христа.

С. Чапнин. — Если говорить о рок-культуре, то в ней очень сильны языческие пласты, подпитанные оккультизмом. Например, возьмем “Rolling Stones”, чьи участники дружили с учениками известного сатаниста А. Кроули. Или Джимми Пайдж из “Led Zeppelin”, который жил в замке А. Кроули в Шотландии.

К. Фролов. — А рок-инструменты сами по себе нейтральны...

С. Чапнин. — Нет, ритм очень важен в жизни человека. Биение сердца, дыхание — все это ритм.

В. Томачинский. — Есть ли ритм в богослужебном пении?

Г. Печенкин. — Нет, там все подчинено слову. Ритм нас связывает с какими-то физическими параметрами.

Марина Антюхова (студентка Музыкальной Академии им. Песниных, певица левого хора Татьянинской церкви). — В определенных моменты моего душевного состояния я могу слушать определенную музыку. Это как наркотик. Но существует четкая грань между ангельской природой богослужебного пения и человеческой природой нашего музицирования. Сравните икону и картину.

Г. Печенкин. — Участие в богослужении дает некую духовную крепость, которую я ощущаю. А музыка душу расслабляет, мешает чувствовать.

Виктор Мазурник (преподаватель японской филологии ИСАА при МГУ).

— Что касается меня, то я тоже был страстным поклонником рок-музыки. Помню 60-е годы, какое электричество было в воздухе. Но постепенно я стал понимать, что рок манит лишь призраком свободы, протеста, вызова, однако на самом деле это

очень тоталитарный стиль музыки. Жесткий, очень жесткий ритм, из которого вырваться сложнее, чем в джазе допустим; императивные, авторитарные словесные формулы; тоталитарная символика, политическая или псевдорелигиозная.

С. Чапнин. — Рок-музыка — это порождение постиндустриального общества.

В. Мазурник. — Совершенно верно. Подростки, молодежь 60-х ясно ощущали, что создаются какие-то новые глобальные структуры, что их тихо, аккуратно, но властно куда-то ведут. И тут они начали отчаянно дрыгаться, даже на каком-то бессознательном уровне. На самом деле, подспудный им “протест” — всего лишь эстетика гневного топая ножками, протест против манной каши, сидя при этом на горшке. В ребенке это даже мило, в тинэйджере — хлопотно, но объяснимо, во взрослом человеке — просто уродливо. Такой искусственный, театральный инфантилизм.

С. Чапнин. — Характерно, что это разединит людей.

В. Мазурник. — Да, классическая музыка, например, может объединить в одной семье несколько поколений. А вот найти место, где все любят один стиль рок-музыки, почти невозможно. Мне кажется, что это проблема не музыкальная, а проблема цивилизации. Цивилизации, которая построена на самоотрицании.

С. Чапнин. — Я бы попробовал обобщить то, к чему мы пришли. Все мы, примериваясь через молчание, через фразу, через разговор выслуши на тему, которая не вызывает смущения у большинства. И на этом уровне мы остановились. Как раз перед нами интересный пример того, что христианское сознание проблем в рок-музыке не видит. А видит одну из форм выражения в культуре протеметевских, боготорческих идей. Видимо, так?

Однако расставляя точки над i мы все же не будем. Этот разговор не предполагал “соответствующих выводов”, обращений к общественности и правительству, раздачи проклятий и индугельций. Мы надеемся, что эта беседа положит начало более серьезному обсуждению проблем культуры и ее роли в современном мире. Вот для чего при газете “Татьянин День” создается пресс-клуб. Ждем ваших предложений.

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДВОЕЧНИКОВ

Радугин А.А. Философия: Курс лекций. — М.: Центр, 1996. — 336 с. 20.000 экз.

Среди множества вышедших в недавнее время учебников по различным дисциплинам студенческое внимание привлечет скорее всего те, что поменьше объемом, покороче и не так уж устрашающе-тамудны. Потому что соответствующий интерес обостряется, как правило, незадолго до экзаменов, когда время и силы ограничены. Наша "антиреклама" — не для серьезных, проницательных книголюбов, прожигающих насковоз незнакому обложку взглядом знаяка и зтовоающихся по источникам(!), но для студизузов, растерянных и захваченных врасплох надвигающимся испытанием: ведь именно с их легкой руки зт уст в уста передаются заветные фамилии авторов учебников-шпаргалок (последних соломинюк), где якобы есть все, что нужно, плюс к тому же "коротенько" и в мягкой обложке — и за требуемые сутки-трое переварить возможно, и под полой пронести в аудитории олять-таки легче.

Радугинский (никто не знает, где ударение) учебник по философии, наш персонаж, — ярчайший образец искомого и вожеленного во время сессии жанра дайджеста (синопсиса, скороговорки, адаптации), со всеми его характерными достоинствами, но будем отрицать малоочевидного, и столь же характерными недостатками.

Человека, внешне вполне благопристойного и утонченного, может "выдать" одно-единственное, — но показательное — просторечно употребленное слово (типа "звонит" или "ездить"), и впечатление, им произведенное, изменится, а для кого-то будет чуть ли не безнадежно испорчено. Так и в книге могут, даже не будучи законспирированными, предательски торчать пресловутые "уши" — уши как авторской неграмотности, так и издательской, свидетельствующей об элементарном неуважении к читателю. Например, обрывок фразы: "... Соррат выпил смертельный яд «Циктузу»" (а не яд цикуты), — уже сигнал неблагополучия, неадаптированности учебного текста, когда невинное вроде бы аннотационное: "Автор не злоупотребляет, собственно, историко-философским материалом..." (запятыя сохранены), выходит боком, оказывается предвестием метода изложения.

Этот серийный, о чем речь впереди, учебник внешне вполне прилично, с помещением фрагмента старинной картины на обложку, замаскирован под вызывающий доверие цикл лекций (значит, думаем мы, их где-то кому-то читали, и это само по себе располагает): содержание разбито по темам, темы — по пунктам (подтемам), опорные слова и положения выделены жирным шрифтом, а названия произведений — курсивом. Прямо как в репетиторской тетради. Делать упор на оформлении — весьма хитроумная и плодотворная издательская политика, потому что когда покупаешь книгу — не можешь как следует вчитаться и доверяешь приманкам полиграфии.

Следовательно, нельзя сказать, по внешнему виду судя, чтобы этот учебник был некоей фикцией, но принцип, положенный в его основание, не вполне выдержан: нет четких систем выделения, нет ясной схематизации (а есть лишь наметки), распределение материала осуществлено нерационально, случайно-неравномерно, оставляя общее ощущение бесплотности. Попытка под одной кровлей разместить историю и теорию философии — почему-то только европейской (Восток оказался в ущерб) — от античности до современности, привела к конспективности и галопированию по верхам: имен, идей, проблем, теорий и т.д. К тому же книга пестрит опечатками (до того, что трудно себя заставить читать), подозрительно похожими просто на беспечную постановку знаков препинания.

Заявленные в рекламном слогане ясность изложения, современный взгляд и компактность оборачиваются — топорностью (раскормою наугад: "Однако жизненная позиция сама по себе не реализуется в практику. Между жизненной позицией и практической деятельностью лежит воля". — С.218), невыразительностью языка, невнятичностью лекторской концепции и обрывочностью чьих понятий. Получилась своего рода — в непонятно ком поиминании — энциклопедия по философии для отстающих, дающая неверные сведения на примитивном уровне (весь мир в одной корзине), с тем лишь упущением, что как раз для невежд и надо писать сжато, напряженно, четко, раскладывая все по полочкам. То есть результат бумажного труда оказывается, по здравом размышлении, ни для кого. Жаль самой идеи: курс лекций — замечательная учебная форма, которая как бы должна быть уже опробованной на слушателя и скорректированной (бедные внимавшие этим лекциям, если были таковые!), логически и зрительно убедительной, и главное — проясняющей положение вещей в наших многотрадных головах. Здесь же необязательность построения только подчеркивается вынесенным в качестве эпиграфа студенческим латинским гимном в усеченном, опять же без указания на это, виде.

В серии "alpha mater", выпускаемой московским издательством "Центр", помимо "Философии", уже вышли из печати: "Социология", "Введение в менеджмент: социология организации и управления", "Религиоведение", "Культурология", "Политология". Стоит внимательней и осторожней относиться к книгам этой серии, раз одна из них оказалась на поверку не столь очаровательной, сколь фирменный "средневеково-миниатюрный" экслибрис на обложке.

Максимальная информация в минимальном объеме (сия книга на это не претендует, но по всему выходит так) — очень сложная задача, требующая, дабы не быть выполненной скучно, оригинальности мышления

Олеся Николаева СЛОВО И БЕЗМОЛВИЕ

Паче всех человек океянен есмь" и вся заполонена сорняками слов, пустоцветом житейской речи и, если полярно, то непременно "горькой".

"Невольник чести" и "вечности заложник" в плену у времени гремит кандалами причинно-следственных связей, ищет и не находит своего Подлежащего, роется в шелухе сказуемых и рядится в обноски ямбов, дактилей и хореев — явно с чужого плеча. И если не ошупывает брезгливо на себе этот second-hand, то с выловом щеголяет в нем, заявляя, что поэзия теперь ТАКАЯ и ТАКОВА.

В мире, где глагол потерял власть, а слово утратило плоть, где жизнь разошлась с судьбой, а реальность покинула смысл, поэту остается только ИГРА. То есть, как бы всерьез, но все — не "вамделешнее" и понарошку. Не что, вроде школьного упражнения: выучите правило, выделенное жирным шрифтом. Поставьте слова в нужном падеже. Раскройте скобки. См. примечания, печатанные курсивом: исключение составляет то-то и то-то.

Выучившись, в конце концов, это можно возненавидеть.

Ибо — если дам, то скорее всего — на слом.

И если окно, то темно. И если вино, то давно. И если дорога, то Бога. И если тебя, то губя. А если меня, то озян.

Парный конферанс! Буриме. "Соловей российский — славный птах": беспредел и тупик — в сущности, одно и то же. Наверное, существует особый вид адских мучений — судубо для стихотворцев: все уродливо и мертворожденное требует к ответу своего автора.

автора, своеобразия и живости языка (а не его казенности и негибкости), наличия конструктивистских и даже режиссерских навыков; дискредитация же замысла, особенно непрофессионалом, провалом бросается в глаза.

С точки зрения филолога, примером такого — идеального в меру возможностей — учебника может служить "Введение в языкознание" А.А. Реформатского. А к философии, лучше уж в таком случае по "Философскому энциклопедическому словарю" готовиться.

**Юлия Тарангул,
здававшая аспирантский экзамен
по философии по учебнику Радугина**

Чур меня, чур!

Лучше совсем замолчать. Лучше безмолвно пройти мимо выпотанных словесных пастибиц, по которым гоняют свой нехитрый мяч футболисты из местных. Миновать без единого слова расхожие уличные повороты, молча пересечь базарную площадь, мешающую языки и наречья... О, эти общие места, как бы невинно подталкивающие к диалогу! Зачины, неизменно диктующие свою концовку. Риторические фигуры, не выпускающие из своих железных объятий! Наконец, машинальные обороты речи, словесные штампы, образующие привычный ландшафт и глушие сердцу, что ему это — вপুর!..

Самое страшное искушение — поверить, что за ними больше ничего нет, что они-то и есть последняя, окончательная реальность. Плен времени располагает к тому, чтобы позт постепенно забыл, чей он заложник.

Лучше совсем замолчать, чем забыть, заболтавшись. Лучше выпустить в себя такое большое безмолвие, что оно может вместить Слово. Отмолчать на глубинах души, над которыми, как огромные волны, проходят валы чужой — и прямой, и косвенной, и несобственной речи и откуды житейская рыб кажется себериствоу чешуею. Отделиться на самом дне, пока наверху — бури, балали, перебранки. Вырастить в себе такое большое безмолвие, что самому уменьшится, его лелея. Самому потесниться, его вмещая. Самому истончиться, его утучняя. Самому попригнать, чтобы свет его виден был отовсюду.

Вот, я принимаю у себя прекрасного гостя: дам ему место, сама же

лягу на половине у порога — гость же пусть занимает все ложе. Сегодня он заснет как Безмолвие — завтра проснется как Слово.

Приготовлю ему наилучшей снеди — пусть кормится вволю. Я же могу пробавляться черствой коркою с чечевицей. Сегодня он заснет как Безмолвие — завтра проснется как Слово.

Запасу для него вина — все разолью по кувшинам. Пусть мой гость чувствует себя превосходно, располагается весьма вольготно. Нынче он заснет как Слово. Завтра проснется как Слово. Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Одену его в лучшие одеяния — в чистый пурпур, в виссон с шелком. Сама же пребуду в наипростейшем платье. Пусть он крадется и чувствует себя здесь дома. Сегодня он заснет как Безмолвие — завтра проснется как Слово. Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Никакая склока и никакая поза. И никакое поветрие, и никакая сухость. Ни обиды, выносящая отношения. Ни тщеславия тонкое интриганство. Ни искусное шарлатанство лести. Ни унылое высокомерье гордыни. Ни зеркальный комплекс Нарцисса. Ни идолопоклонское чарованье. Ни житейская суета. Ни зависть с татьбою. Ни дремучее косяноязычие. Ни сервильная легкость речи. Ни невежество. Ни всезнайство. Ни Сальери. Ни даже сам Моцарт. Ни проповеднический учительский искус. Ни реформаторский мессианский пафос. Никакой вождь. Никакой демос. Главное, чтоб ничего ему не мешало.

Сегодня он заснет как Безмолвие — завтра проснется как Слово. И опустит пленника времени. И отпустит невольника на свободу.

Примечание редактора: А по мне, так уж лучше готовиться по недавно изданному "Треко-латинским кабинетом" Ю.А. Шичалина учебнику "История философии: Запад — Россия — Восток" (вышло две книги из трех предполагаемых). Я не философ, чтобы судить о его научных достоинствах, но как филолог могу сказать, что учебник читается не хуже романа. Например, кантовская критика практического разума предстает "своего рода интеллектуальной драмой", где героями являются различные нравственные принципы, а основной конфликт происходит между обусловленностью и свободой. Впрочем, драма идей и есть, в сущности, главный сюжет мировой истории.

В следующем номере мы предлагаем опубликовать развернутую рецензию на этот учебник

НАСТОЯТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Почему в Православии явный приоритет отводится мужчине, женщине же второстепенное место?

Православие относится к женщине без пренебрежения. Одну из женщин, живших на этой земле, Церковь именует высшим из всех творений, созданных Отцом нашим Небесным, — Пресвятую Деву Богородицу Марию. Церковь называет ее “честнейшей херувимов и славнейшей без сравнения серафимов”, то есть высших ангельских чинов, свойства которых превышают человеческие свойства неизмеримо. Тем не менее Ее Церковь ставит выше всех ангельских чиновначалий. Что же касается мнимого или видимого отодвигания женщины на второй план в Церкви, то по сути дела, это предубеждение, которое складывается из неверного понимания церковной жизни. Действительно, в Православной Церкви женщины и поют на клиросе, и пишут иконы, и делают своими руками богослужебные облачения, и могут быть на самых ответственных постах в церковно-административном служении: экономическом, юридическом и других. Наконец, женщине открыт (кстати, в отличие от других религий: ислама, буддизма) путь ангельской, то есть монашеской жизни — путь всецелого посвящения себя Богу.

Почему упразднен чин диаконисс, почему бы не ввести женское священство, если у нас равноправие?

Именно женское монашество в значительной мере заменило существовавшую практику диаконисс, то есть, особого рода церковных служительниц, помогавших священнику при совершении крещения женщин, осуществлявших церковно-общественные и другие обязанно-

сти. Можно сказать, что сейчас институт диаконисс, с одной стороны, перерос в монашество, с другой стороны — церковно-практической — утратил характер особых обетов или посвящений. Скажем, некая раба Божия поет на клиросе или убирается в храме или стоит за свечным ящиком, но при этом не приносит обета безбрачия или обязательной жизни при церкви. Что действительно есть в жизни церковной и будет всегда — то, что женщины не могут быть священниками. Это не нарушение прав человека и Хельсинской декларации, к которой с некоторым уважением относится и Православная Церковь, не принимая, конечно, ее полностью. Это особое понимание священства, которое отличает Православие от протестантских конфессий. Если в протестантизме священник, пастор, епископ — церковно-административный работник и профессор, говорящий с церковной кафедры, то, действительно, встает вопрос — почему же, имея хорошие административные дарования или дар слова, женщина не может этим заниматься? Но Православие понимает священство по-другому. Каждое таинство совершается не священником, а Христом Спасителем, и священник является лишь Его представителем, свидетелем в том, что совершает Господь. За священством стоит одна тайна, которая превышает человеческий разум, — Спаситель есть Сын Божий, а не чад Бога-Отца. Христос воплотился в мужском поле, а не в женском. И в этом нет уничтожения женщины. В этом есть тайна домостроительства нашего спасения.

На ваши вопросы отвечает настоятель Университетской церкви священник Максим Козлов, канд. богословия, выпускник филофака МГУ

В МГУ СОСТОЯЛИСЬ СЕРГИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА

Чтения, проходившие 5 декабря в конференц-зале I Гуманитарного корпуса, были посвящены памяти митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева). Великий священник Артемий Владимиров, выпускник филофака МГУ.

Протоиерей Александр Шаргунов говорил о пророческом служении в России, историк Н. Н. Лисовой рассказал о своей поездке к Владыке Иоанном на Святую Землю, преподаватель МГУ Н. В. Масленникова выступила с докладом “Сербский патриарх Варнава и Россия”, прозвучали и другие сообще-

ния. Почти все выступавшие, останавливаясь на конкретных фигурах, говорили о значении личности в жизни общества. Большинство докладчиков вслед за митрополитом Иоанном призывало каждого следовать заповедям Христа в своем общественном служении.

В заключение был показан документальный фильм режиссера Т. М. Карпова “Видимое и сокровенное”, основанный на кадрах исторической хроники. Он убедительно доказал ту мысль, что земная слава России напрямую зависит от благочестия ее народа.

ПЕНЗЕНСКИЕ СЕКТАНТЫ ЧИТАЮТ “ТАТЬЯНИН ДЕНЬ”

На имя зам. главного редактора “ТД” по почте пришел большой таинственный конверт с письмом следующего содержания: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь! Уважаемый редактор газеты “Татьянин День”, посылаю вам для сведения фрагменты книги: “Как совершилось Второе Пришествие Христа на Российскую землю”. Прошу внимательно ознакомиться с названной книгой и если возможно начните ее публикацию в вашей газете. Да поможет нам Бог!” 3.08.96 г. М. Митин, г. Пенза.

К письму прилагалась толстая брошюра — “Часть I” упомянутой книги. На ее обложке было изображение Страшного суда и множество оккультных символов. Как

указывалось на титульном листе, книгу издала очередная “Новозаветная церковь Христова”. Содержание книги оказалось настолько бредовым, что, признаюсь, мы были не в состоянии определить, что это за секта и кто автор сего опуса. Единственная зацепка — указание, что последнюю главу написал какой-то бывший секретарь местного обкома КП. Редакция “ТД” просит у г-на Митина извинения за то, что не имеет возможности “начать публикацию названной книги” на страницах студенческой газеты. К сожалению, содержание и стиль данного труда не совсем соответствуют аудитории нашего издания.

*Вот и сбывается
все, что пророчится:
Уходит поезд в небеса —
счастливым путем!
Ах, как нам хочется,
как всем нам хочется
Не умереть, а именно
унуть!*

*(В. Высоцкий, Балада об
уходе в Рай)*

наркотиками составляет четкая специализация: "травку" (марихуану и гашиш) стабильно продают немцы и военные, с небольшим раствором опия промышляют цыгане, таблетками заведуют бабульки-пенсииерки, а вот героин и кокаин почему-то приобретается у негров.

Справедливости ради следует отметить, что по части мозгов мы ничуть не хуже негров. Ведь есть же еще в государстве российском ученые-самородки, —

наркотиков в дискотечных кругах сегондн весьма популярен "Экстази" — одна таблетка дает заряд энергии, движения и настроения на всю ночь. Также в большом почете "кислота", правда, в отличие от "Экстази", LSD ведет к неконтролируемости собственных действий и галлюцинациям. Нередко среди любителей "кислотного рая" отмечалось жгучее желание вышагнуть из окна... и некоторые вышагивали. Лишняя забота

ВОЖДЕЛЕННАЯ ДОЗА СВОБОДЫ, ИЛИ РАЙ НА КОНЧИКЕ ИГЛЫ

Ни для кого давно не секрет, что достать сегодня в столице наркотики — при желании нетрудно. Точки, продавцы и ассортимент всем хорошо известны. Стоит, например, возле всем известной аптеки какой-нибудь скрюченный дедок, опершись на клюку, — и чего стоит? Ни милостыни не просит, ни внуку не выгуливает, а так себе — просто стоит часами да глазом изредка некоторым прохожим подмигивает. А в аптеку то и дело заскакивают парин-здоровый в кожанках — за лекарствами. Больные, небось... для прабабушки. А у выхода из метро, вокруг "комков", своя тусовка: переминаются с ноги на ногу, пытая, бритоголовые молодцы и все поглядывают искоса, далеко ли отошли "опера". А бабули тут как тут, сидят среди молодежи — классический пример товарно-денежных отношений... Дело секунды: деньги — таблетка.

Базовыми точками являются рынки (Тишинский, правда, долгое время был закрыт, и народ теперь пасется на Птичьем). Там всегда можно отыскать какую-нибудь "бабу Дусю", которая жалится над молодежью. При этом для постоянных клиентов у бабулек действуют скидки, могут даже в долг дать. Как пошутит один наркоман, сейчас у нас в стране наркобизнесом занимаются в основном пенсионеры да студенты.

В институтах не менее отлаженная система: рыбак рыбака видит издалека, с этим делом по problem. А жить в общаге и не отвешать косячок-с — просто даже неприлично, невежливо. Ведь вас угощают! С чистыми намерениями, так сказать. Студенческому радушию нет предела! И если вам понравится — а вам непременно понравится — удовольствие можно будет повторить и в другой раз. А когда "травка" покажется слишком слабойкой, заблудившие дружки помогут перейти на что-нибудь более крутое, да еще и проконсультируют: что, где, когда и почем. В системе торговли

можно сказать Кулибины, — которые продолжают двигать отечественную науку — несмотря на все экономические и иные сложности нашего времени! Так, осенью 1996 года сотрудниками Управления по незаконному обороту наркотиков (УНОН) ГУВД РФ в стенах Московского инженерно-физического института была обнаружена одна из крупнейших подпольных нарколабораторий. В ходе этого сенсационного дела выяснилось, что ее организовал 35-летний заведующий Студенческой конструкторско-инженерной лабораторией МИФИ. Под институтским кровом ему удалось наладить производство целого ряда сильнодействующих синтетических наркотиков, в том числе PSP (феник-лидина).

Впрочем, приобщение к наркотикам начинается, как правило, еще до ВУЗа. Если зайти в любую школу и спросить учителей, пробовал ли кто-нибудь из них наркотики, наверняка отыщется несколько "испытывавших" — и не верьте вы всем этим заявлениям и клятвам рашковидных и педагогов, что, мол, "в нашей школе этого нет"! Еще как есть... Знакомство дитяти с "суровой правдой жизни" и романтикой порока начинается именно со школьного порога. Наши школы — не пансион благородных девиц, — на дискотеки должен же кто-то таскаться!

Кстати, если вы любитель ночных дискотек, то знаете, что на них без "стимуляторов" трудно обойтись. Во-первых, оставаться на дискотеке трезвым — как-то не солидно: "не круто" да и "не в кайф". Можно, конечно, нагнаться в бар спиртным, только вот беда — вы ведь не дома — нужно продергаться до того бы то ни стало до утра. И желательнее "не зависать": ревай требует интенсивного движения, дрыгаться, дрыгаться — только успевая следить за сменой диджеем мелодий. Поэтому дискотечная тусовка без наркотиков — "все равно, что девушка без глаза", как говорят французы. Понохать, выкурить и угодиться удобнее всего в туалете. Среди

дворниками — соскабливать за ними с тротуаров мозги. Но все это, конечно, неприятные исключения. Обычно же народ расходится с дискотеки удовлетворенным.

"Lucy in the Sky with Diamonds" (The Beatles)

Черноволосая девушка, довольно раскованная и общительная — что называется, "без комплексов". Студентка одного из престижных московских ВУЗов. Никак ни скажешь, что рядом с тобой наркоманка, — правда, бывшая. Я попросил Наташу (имя, естественно, изменено) рассказать, как это было.

История совершенно заматематическая, на мой взгляд. Это было лет пять назад. К тому времени я уже закончила школу. Я попыталась бросить курить — а когда много куришь, бывает так, что крыша едет. Думаю, чего-нибудь может, успокоительно или водки напиться — чтобы как-то снять это. А дома всегда была масса всяких лекарств. Я стала копаться в этих таблетках, ампулах и нашла промидол. Я думаю: ну чего собственного сделается со мной — тогда я была в каком-то странном состоянии. Внутривенно я боюсь и просто выпила кубик. Ну, не могу сказать, что понравилось или не понравилось; я просто не поняла и не почувствовала — он слабенький был. Я даже и не думала ни о каких последствиях. И забылось все. Как раз был год, когда я нигде не училась, в институт я тогда не поступила. Потом уже знакомые ребята давали травки покурить — интересно; любопытство, но не более, никакой привязанности — с первого раза не щелкает. Права, солома она и в Африке солома. Как-то все это забылось, затерлось.

Раз на Китай-городе я познакомилась с ребятами, среди которых был один наркоман, "винтовой". В то время он был в полугодовом завязе. По его словам, "винт" — это было нечто мистическое; такая волшебная штука: можно тыла читать, управлять людьми, погодой, чуть ли ни летать. А я мистик ужасный, я с детства хотела быть волшебницей, нести людям радость. А тут к тому же: ни тебе ломок, ничего. И вообще, это не наркотик, как принято, это психостимулятор.

Правда, Витя почему-то все время добавлял, что мне это нельзя. Нельзя, нельзя. Кстати, если серьезно, "винт" — это действительно страшная штука, опаснее всяких там "Экстази" и LSD. Привыкание с первого раза. И тогда я еще "винта" не пробовала.

Потом я поступила в институт, появились новые знакомые, тусовки. Прошло еще с месяц-два, там были еще какие-то совместные пьянки, гулянки, курение анаши. Что меня привлекало: все уже ничего не сообщают, а я одна как огурик. Хотя там все полком, а я богум. Ну, не берет меня! Мне доставляло удовольствие вместе с ними накуриваться — я над всеми прикалывалась.

Но однажды на Китай-городе я опять случайно познакомилась — я очень любила на улицах знакомиться — с замечательными ребятами, игравшими песни; веселая, клева компания. И со следующего дня я у них стала как бы баба-начальник, атаманша. Как-то слышу, говорят про "винт". Ну, надо же! А я считала, что это какая-то божественная вещь, которая доступна только единицам. И тут выяснилось, что все это просто: ингредиенты достаются через знакомых. Готовится из лекарств, их нетрудно надобрать. И поехали мы "варить" к этому Вите. Это уже внутренне: колола, конечно, не сама — тогда я еще не умела; это сейчас я крупный специалист. И первый раз — не могу сказать, что мне это сильно понравилось. Действительно, в этом было что-то необычное... А вообще, впечатление просто обалденные! Это нельзя передать словами. Было ощущение блаженства. Свобода, раскованность, легкость движений. Чувствуешь, что ты шаг сделаешь и сейчас взлететь. Легкость, что хочется идти быстро. Полет мысли,

фантазии — ты на таком подъеме! Создалось общение. И кругом происходит чудеса. Вот это попадание в сказку, оно просто меня убило.

Потом был еще раз — кто-то уже приехал ко мне. Среди "винтовых" попадаются обалденные люди, очень добрые, отзывчивые. Есть даже те, которые понимают, что они неправы, но ничего поделать с собой не могут.

"Мы сделали из этого религию. Мы варили винт исключительно ритуально..."

В это время я уже здорово сидела на анаше — курила вместо сигарет, а я уже привыкла к этому полумозмическому состоянию: замедленные движения, когда борешься все время с тем, чтобы не провалиться в забыть... Но анаша дает вялость.

Чтобы ни от кого не зависеть, я решила сама научиться варить "винт". И когда родители в очередной раз свалили на дачу, я провела первый эксперимент. Перед тем, как попробовать, я подумала: убрать все сначала, прежде чем я умру — чтоб родителей не травмировать. А потом дураком: все равно ж умру — какая разница. Но не умерла. Ничего не получилось! Я все перепутала, но меня это не смущало. Ну, второй раз у меня получилось уже удачно. Я учла свои ошибки. Меня уже так подковали в этом плане. Впрочем, в отличие от меня другие "винтовые" очень здорово покатились.

Потом я встретила человека, который так же как и я, варил "винт", был страшно гонимый. И мы с ним сошлись. Пара была просто баджек! И мы там чуть ли жениться не собирались. Так я только для себя варила: раз в неделю, в две недели. А тут уже пошел конвейер, просто победное шествие нашего раствора! Нас знала вся Москва. Сейчас уже те, кто нас знал, я думаю, их уже нет... Мы — когда "укололись и забылись" — давали концерт: народ там вообще плакал! При нас постоянно собирались наши ученики, апостолы. Мы сделали из этого религию! Мы варили "винт" исключительно ритуально, мы никого не пускали в этот момент. Ингредиенты засыпались со словами: "С Богом!". Всерьез, клянусь просто. У нас раствор имел имя, мы называли его "apple" (раствор имеет запах свежих яблок), чтоб никто не догадался. Мистически это было то

самое "яблоко познания" — которое Ева предложила Адаму в райском саду. И все верили; эта мистика была кругом: "Ребята, пасмурно? Вот хотите, будет солнце?" — "Хотим", — "Пожалуйста, солнце!" И нельзя было поверить. Все делалось с чистыми намерениями: только нести добро и радость людям. Другой вопрос, что, конечно, психика со временем подчинялась. У меня была мысль, что, может, это были какие-нибудь галлюцинации. И уже потом, анализируя в трезвом состоянии все происходившее, я убеждалась, что это, действительно, так. Я не говорю о вреде организму — это естественно, это без вопросов. То есть идет разрушение организма: из-за постоянного истощения, и из-за попадания в кровь всяких ненужных химикатов. Но эти химические вещества так действовали на мозг, на психику, что возрастала экстрасенсорная способность. Другой вопрос, что с каждым разом действие все ослабевало. То есть организм работал на износ.

Итак, я начинала с опитов (примидол). Потом пару раз меня угощали: иной раз — откажешься, иной раз — нет. Ну, не нравилось, не нравится и сейчас не будет. Кокани как-то попробовала, но — когда все смешано — почувствовать не удалось.

Ведь должен же быть хоть какой-то ответ!

Но куда ни взглянуть — я не нахожу его...

(Рок-певица Дженис Джоплин, умерла 4 октября 1970 г. от передозировки героина)

Сознания я не теряла. От героина Бог меня упас. Один раз меня случайно отравили. Тут транулась так, что были галлюцинации — очень неприятно, воспоминания жуткие. В итоге все кончилось так, как и должно было кончиться: поймали родители. Меня заперли. Потом мне сказали: "Ну, что, будешь дома сидеть или в наркологический пойдешь?" — "Ну,

давайте в наркологический". Это случилось года три-два назад; "винт" к тому времени я употребила год. Пролетала там с три дня, выписали за нарушение режима (мы там с одним милым бизнесменом-алкоголиком две бутылки водки шаркнули). По дороге домой вышла на Китай-городе: братья были там. С криками "Наташка, вернись!". И еще неделю-две я гле-то скиталась. Все эти две недели велись какие-то переговоры с родителями, о том, на каких условиях я согласна вернуться. В наркологической больнице заявили в милицию. И через две недели наступ же повязали. Мама с папой продержали меня под арестом.

Все это было ужасно, я была абсолютно немвменяемой — это меня разлучили с любимым человеком, не дают "винта" и вообще держат взаперти. Разрабатывались планы побега, товарищи приходили под балкон: "Наташка, мы тебя вытащим". Я пыталась вязать простыни, шторы. Представь, с пятого этажа по шторам или по простыням десятилетней давности? Плохо. Меня одно остановило — уж больно легко рвалась. Я, конечно, знала, что летать могу, но... Я была не до такой степени ненормальная, чтобы оканчивать жизнь самоубийством. Это называется суицидальный психоз — я им никогда не страдала! И надеюсь, никогда не буду страдать. В статьях про "винт" говорится, что многие страдают депрессией, выбрасываются. Что ж, может быть. Плохая психика. Я всегда верила в лучшее... Что я когда-нибудь сбегу отсюда. Ленин тоже в ссылке был.

Кончился все тем, что была класная неудачная попытка побега, в пять часов утра. Одела две сумки, как связки патронов, и начала на щипочках, на щипочках и рванула... И вот папа — это что-то!.. Вот он с кровати

с положения лежа сделал гигантский прыжок метра три с половиной, застиг меня у двери... Я попыталась-таки вырваться и убежать. Но папа оказался сильнее...

А потом, дабы не сесть в тюрьму, пришлось ложиться в дурдом. Потому что иначе в суд надо было идти. Меня начали всячески лечить. Я не оставляла надежды выбраться отту-

Мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью...

да и опять начать все сначала. Потом меня все это так допекло, родители настаивали на том, что надо кодировать — по Профу. Приехал дядечка кодировать. Ну, не помогло, естественно, не фига. И все началось заново, только не в таком масштабе — второй виток наркомании. Я сократила; перерывы были уже месяц, два. А потом как-то так я сама уже поняла, а не лучше ли вообще... То есть мне уже плохо стало становиться. Всякие неприятные явления: вместо этой легкости, классных ощущений получается обратное. Чувствую, что ничего хорошего тут нет. Здорovie уже не выдерживает. Я поняла, что ничего не могу делать, никаких интересов.

Вот такая жизнь. Я училась на первом курсе института, потом по "винту" на год ушла в академ. В больнице страшно, конечно. Ну, и как бы "винт" бросила. А потом случилась неприятность: у меня папа попал в реанимацию. Стечение обстоятельств, несчастный случай с другим человеком. В общем, я сорвалась и стала пить таблетки — паркопан. Ушла в очередную академку, потому что опять учиться не могла. Жуткая ссора с родителями. И я пошла работать. На этом все кончилось. С февраля месяца. Само прошло. Да как? Я просто поняла, что я делать ни хрена не могу, то есть процесс стопорится, я консервируюсь в одном состоянии. Плюс к этому, я не могла уже больше видеть несчастные лица своих несчастных родителей. Ну, надоело все. Надоело скрываться, прятаться... Сейчас опять учусь. Честно скажу, до сих пор тняет. А что делать?"

*** ** *

Все слышали о том, что такое "ломки" (или "синдром абстиненции", если по-научному), все могут в той или иной степени это представить, но до конца прочувствовать то, что происходит в этот момент с наркоманом, — невозможно. Никакие слова в полной

мере не могут передать это состояние, сухие и жалкие определения в учебниках по психиатрии — лишь бледные тени реального. Уместно вспомнить

рассказ Михаила Булгакова "Морфий".

В дневниковой исповеди покочившего с собой врача-морфиниста есть довольно реалистичное описание поздней стадии зависимости от кокаина и морфия: "Кокан — черт в склянке. При выпрыскивании почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. Наступает боль, ужас, тьма <...> Мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью <...> Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну <...> Не "токсливое состояние", а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь тогда вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия! Смерть от жажды — райская, блаженная смерть по сравнению с каждой морфия. Так живо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в грубу и раздирает кожу на груди ногтями. Так ерзетик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть — сухая, медленная смерть..." (М. Булгаков, "Морфий")

Джим Моррисон ("The Doors")

Так не плачь обо мне,
Когда я уйду
Стучаться в двери травы

(Борис Гребенщиков)

Самый мощный толчок к распространению наркотиков приходится на вторую половину XX века — время взрывной популярности рок-музыки. Связь рока и наркомании — это сложный и, при тщательном рассмотрении, не так просто решаемый вопрос. Он достоин отдельного исследования. Мы же только укажем на самые известные факты смерти звезд западного рока, напрямую или косвенно вызванные наркотиками: "король рок-н-ролла" Элвис Пресли; легендарная исполнительница блюзов Дженнис Джоплин; певец и гитарист Джимми Хендрикс; гитарист группы "Rolling Stones" Брайан Джонс; участник группы "The Who" Кейт Мун; ударник группы "Led Zeppelin" Джон Бонэм; лидер группы "Doors" Джим Моррисон и другие...

Замечено, что на какое-то время наркотика помогают стимулировать воображение. По словам рок-музыканта Эрика Клептона, наркотик раскрепощает творческую мысль: "Нам нужны наркотики, они помогают нам, освобождают наши умы и фантазию от предрассудков и снобизма, с которыми мы воспитывались".

Другой причиной, вынуждающей рок-музыкантов прибегать к наркотикам, является, по их признанию, "ужасное напряжение". Дженнис Джоплин так описывала свое состояние во время

концерта: "Я всегда нахожусь на пределе физических возможностей"; "Я погружаюсь в наркотический транс. Когда я выхожу на сцену петь, это словно сильный наркотик..." О причине наркомании среди рок-музыкантов Клептон замечает: "Сегодня напряжение значительно сильнее, чем когда я начинал играть джаз... Теперь группы дают представления там, где их слушают от 50.000 до 200.000 человек. Тебе всегда надо быть в форме, всегда улыбаться. К концу вечера тебе необходимо что-то, что тебя взбодрит. Для многих это выпивка. Для других это наркотики. Мы все на что-то попадаем. Отнимите наркотики у многих рок-музыкантов и исполнителей блюзов, и останется только половина".

Бешеный успех некоторых рок-звезд чаще всего приводил их к разочарованию в жизни и обостренному чувству одиночества: тысячи обезумевших фанатов, с одной стороны, и давление, конкуренция, бизнес — с другой. Дженнис Джоплин не раз повторяла: "Самое худшее — это одиночество". Можно сказать, что некоторые исполнители, в силу и внешних условий, и внутренних особенностей, были как бы "запрограммированы на саморазрушение". И наркотики помогали им в этом.

Совсем иное дело — бледное море рок-фанатов. Большинство, не умея как-то проявить себя, вынуждено лишь подражать "звездам", копируя их. Но выглядит все это достаточно жалко. Едва ли на каждый начинающий наркоман твердо убежден, что впоследствии он-то сможет отказаться от наркотиков, у него-то всегда хватит силы воли их бросить. В этой связи мне вспоминается один героинщик, который часто повторял: "Каждый может бросить!.. Я сам много раз бросал..." К совсем иным водам приходит эти же люди чуть позже, попадая на излечение в наркодиспансер или психбольницу. И зависая себя уже конченными.

Tried to run
Tried to hide
Break on through to the other side
(The Doors)

Возможность вырваться из тяжелой обыденщины в иную реальность, хоть на мгновение убежать от жизни, чуть приподнять полог другого мира, грез и сновидений, раствориться в нем — все это со страшной силой зачаровывает юные, правда, слабые сердца. "Мы

собирались в этом древнем и бредовом театре, чтоб поделить жаждой жить и убежать от мурашки толпы" ("The Doors"). Сладость этого "запретного плода" состоит еще и в возможности проявить себя, бросить вызов обществу, побороть собственную слабость, робость и комплексы.

Господь Бог дал нам свободу выбирать: добро или зло, горькую правду или сладкую ложь, реальность или иллюзию. Какже Он дал заповедь — нести каждому свой крест, нести на себе тяжелое бремя реальности. Но не каждый выдерживает под этой ношей. И многие пытаются убежать от этой реальности, в том числе с помощью наркотиков. "На, забери Свой крест! Вот я — и мне не нужен Твой Крест, мне не нужна Твоя жизнь; мне не надо Рая когда-то, я хочу его здесь и сейчас! Да, я боюсь Тебя, но это мой выбор, и он уже сделан". Человек бросает вызов Богу. И в этом случае можно говорить о порабощении человека демонической силой.

Потом приходит разочарование. Но освободиться от добровольного, теперь уже осознаваемого рабства становится чрезвычайно трудно. Так, Джим Моррисон незадолго до смерти постепенно охладел к прежнему стилю своей жизни, даже предпринял попытку изменить свой имидж — но так и остался заложником своего "учения"... и своей славы. Как известно, Моррисон попытался отказаться от наркотиков, но было уже поздно — не выдержало сердце...

Ты знаешь, как бледна и вся
в мурашках
приходит смерть в свой
странный час
без приглашения и без
доклада...

(American Prayer,
Дж. Моррисон)

Александр Егорцев,
философский ф-т МГУ
(Информ-центр "Сектор")

Продолжение в следующем номере.

Информация "Татьяниного Дня" · Информация "Татьяниного Дня" · Информация "Татьяниного Дня"

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ

научно-практической конференции
"Религиозный тоталитаризм и молодежь"
к ректорам ВУЗов, директорам школ и иных
учебных заведений г.Москвы

Мы признаем ректоров ВУЗов, директоров школ и детских садов отрядить учащуюся молодежь от деятельности таких традиционных культов, как "Московская церковь Христа", "Церковь Объединения" Муна ("Студенческая ассоциация САРР"), "Сайентологическая церковь Хаббарда ("Дианетика)", "Свидетели Иеговы", "Общество Рерихов", "Общество сознания Кришны", "Общество Порфирия Иванова", "Богородичный центр" ("Новая святая Русь"), "Аум Шинрикэ", "Новый Акрополь", "Церковь последнего завета" Виссариона, "Церковь святых последних дней" (мормони), организация Шри Чинмоя, "Брахма-Кумарис", "трансцендентальная медитация", "тантра-сангха", "церкви сагганы", а также южнокорейские пятидесятнические "церкви".

Мы признаем и уважаем право каждого человека на свободу совести и вероисповедания, но именно этой свободой лишают своих последователей сектанты. Так как дети — это наше будущее, постараемся защитить российскую молодежь от нависших над ней сектантских сетей!

ТАТЬЯНИНСКИЙ ВЕЧЕР ПАМЯТИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ПРОШЕЛ В МГУ

Он состоялся 21 ноября, в день Архангела Михаила — Небесного покровителя русского ученого и поэта, на факультете журналистики. Вечер, приуроченный к 285-летию со дня рождения Ломоносова, организован Музей истории МГУ вместе с Университетской церковью св. муч. Татьяны.

Вел вечер директор Музея истории МГУ А.С.Орлов. На вечере выступили: декан факультета журналистики Я.Н.Засурский, научные сотрудники Музея С.В.Юдина и З.В.Гришина и другие. Они говорили о значении Ломоносова для Московского университета и для русской культуры в целом. Так, преподаватель МГУ А.А.Волков показал, что "Риторика" Ломоносова являлась своего рода реакцией на католическую схоластическую традицию, проникавшую в Россию. Эта первая российская "Риторика", ставшая настольной книгой для многих поколений, по-видимому, опиралась на святоотеческое учение о языке.

На вечере были зачитаны отрывки из сочинения Ломоносова "Об обязанностях журналистов..."

С января 1995 года при Университетской церкви св.муч.Татианы действует Информационный центр "Сектор". Его задачей является сбор и анализ сведений о деятельности тоталитарных сект на территории МГУ и других ВУЗов Москвы, а также подготовка информации разной тематики, в том числе новостей Университетской жизни. Центр "Сектор" собирает информацию для газеты "Татьянин День", но готов предоставлять ее и другим изданиям.

Ваши сообщения вы можете присылать по адресу храма св.муч.Татианы или оставлять в книжной лавке храма в I Гум. корпусе МГУ.

НАМ ПИШУТ

Среди множества писем, получаемых редакцией, есть материалы, предназначенные для публикации в нашей газете. Например, мы получили небольшой сборник сказок "Портрет души" от Вадима Словова из Челябинской области; монографию о М.Волошине от Светланы Поповой из Симферополя; статью, посвященную решению основного вопроса философии, от В.М.Пученкина; множество других статей, стихов и т.п. К сожалению, мы не имеем возможности отвечать на все письма и давать рецензии материалам, приходящим в редакцию. Просим извинения у тех, чьи материалы по тем или иным причинам не были опубликованы и кто не получил никакого ответа на свое послание. Надеемся на ваше понимание и ждем новых писем.

Дорогие братья и сестры!

Недавно, блуждая в Internet, набрал на вашу газету. Я — иподиакон Митрополита Нижегородского и Арамаского Николая, в прошлом — студент Нижегородского университета (ВМК), сейчас, по совместительству, webmaster. Православных ресурсов в Web так мало; ваша газета — это находка для меня. К сожалению, в Нижнем Новгороде появление университетской церкви — даже не мечта. Тем более, трудно говорить о православной студенческой газете. Я нашел вашу газету информативной и интересной, жаль, что она выходит так редко (1 раз в месяц?). Вас знают в США и в других странах мира. Ссылку на вас я обнаружил в Bucknell Russian Studies Department URL: <http://www.bucknell.edu/departments/russian/>

Буду рад узнать, что мое письмо не застряло в паутине...

С уважением, Андрей Милкин, иподиакон

ГАЗЕТУ "ТАТЬЯНИН ДЕНЬ" ВЫ МОЖЕТЕ
ПРИОБРЕСТИ:

Лавка "Татьянин День" — м. Университет, I Гуманитарный корпус МГУ, около 9 аудиторий
Главное здание МГУ — Воробьевы горы
Университетская церковь — Б.Никитская, 1
"Ad Marginem" — м.Павелецкая, I Новокузнецкий пер., 5/7
"19 октября" — м.Полянка, I Казачий пер., 8
"Эйдос" — м.Кропоткинская, Чистый пер., 6
"Троицкое слово" — м. "Цветной бульвар" и в других книжных лавках и храмах

© "ТАТЬЯНИН ДЕНЬ". Издается с января 1995 года.

Учредитель — община Университетской церкви святой мученицы Татьяны.

Главный редактор: Владислав Томачинский, филфак МГУ.

Зам. главного редактора: Александр Егоров, философ, ф-т МГУ.

Редакционный совет: Юрий Баженов, геофак; Татьяна Иенсен; Елена Лебедева, истфак; Елена Луковникова, истфак; Татьяна Москвина; Александра Никифорова, филфак; Сергей Сысов, филфак.

Макет и верстка: Павел Конотопов, МИРЭА.

При перепечатке ссылка на "Татьянин День" обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов публикации. Будем рады любому сотрудничеству, особенно со студентами МГУ.

Наш адрес: 103009 Москва, ул. Б.Никитская, д.1; тел.: 203-34-58.

E-mail: ginn@redsite.redlab.ru, Fidonet: 2:5020/170.9 Subject: TD.

Наша WWW-страничка в Internet: <http://mech.math.msu.su/church/koi8/russia.htm>.

Газета зарегистрирована в Министерстве печати РФ, свидетельство о регистрации № 013 825 от 23 июля 1995 года.

Газета остро нуждается в Вашей финансовой поддержке.

Благодарим всех содействовавших выходу десятого номера "ТД".

Большие скидки
распространителям.
Звоните: 203-34-58

Отпечатано в типографии П И П Ц
готовых диапозитивов. Тир. 5000

Принимаем заказы
на рекламу и
частные объявления